

Авторская интерпретация
реальных событий

Андрей Митов

УТВЕРЖДЕНО

ДЕЛО № _____

134-я

Андрей Титов

134-я

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47416394
ISBN 9785005055163*

Аннотация

Жизнь скручивается в жестокий водоворот и пытается вопросами, на которые едва ли найдется правильный ответ. Любимый муж и двое сыновей, счастливая семья. Или ловкая и бессовестная игра в одни ворота? Крушение всех жизненных основ. Или начало новой жизни с чистого листа? Ради чего мы отрекаемся от себя, на что идем во имя любви, что готовы сделать ради денег? Автор поднимает непростые вопросы, которые мы не задаем себе до тех пор, пока что-то не случится...

Содержание

134-я	10
Глава 1. Светлана	11
Глава 2. Восемнадцать лет назад	24
Глава 3. Миша	31
Глава 4. Начало семейной жизни	35
Глава 5. Сложности семейной жизни	47
Глава 6. Мечты и реальность	59
Глава 7. Детство стасика	67
Глава 8. Стас и Ромка	79
Глава 9. Вовка и Стасик	84
Глава 10. Необычная дружба	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

134-я

Андрей Титов

Иллюстратор Ольга Павленко

© Андрей Титов, 2019

© Ольга Павленко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-5516-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге «134-я»

Женщина, как «ломовая лошадь», мужчина – мажор, юный хулиган и продажный адвокат, людская молва и козни родни, попытки оболгать и запугать – все сплелось в тугой узелок сюжета книги, которую уважаемый читатель взял в руки. Динамичность повествования, судьбы персонажей, списанные едва ли не с натуры, будут держать читателя в напряжении с первой до последней страницы. Автор лишь чуть утрирует ситуации в эпизодах, но не выдумывает их.

Книгу можно открыть словами Оскара Уайльда: «Самозажертвование следовало бы запретить законом – оно развращает тех, кому приносят жертву». Читатель припомнит

собственные случаи, когда муж пьет, бьет, бездельничает, не приносит домой денег, а жена терпит, работает, ухаживает за детьми, но не разводится. Соседи и знакомые часто задаются вопросом: «И что их только связывает?!»

В книге две идеи. Любовь. Слово, произносимое с восторгом и вопросом, сарказмом и проникающей в сердце искренностью, пронизывает каждый эпизод. Какой же разной она показана в книге. Главной героине начинаешь сочувствовать с первых же строк. Действия начинают раскручиваться со скоростью спущенной пружины – чем дальше, тем стремительнее, одна за другой, перелистываются страницы человеческих судеб. Вот родня мужа воспринимает ее как дешевое приложение к сыночку-мажору. Сам муж, которому игра в «танчики» заменяет реальную жизнь. Рядом со своими детьми появляется соседский мальчик, сирота, ищущий вначале недополученной материнской любви, но переступающий определенный порог в отношениях в силу взросления. И деньги! Вот он – главный идол и главный дьявол нынешнего времени.

Деньги «подарили» мажору диплом инженера, они же и развратили. Но чаще всего это были не его деньги. Их давали родители – люди весьма обеспеченные. Их ежедневно с трех часов утра за рулем грузовичка, развозящего товары по ларькам, зарабатывает его жена. Он засыпает днем, потому что всю ночь «уничтожал монстров», она – потому, что трудится с утра до вечера и без выходных. Он совсем не глуп

и на сто процентов использует возможность быть «кукушонком» – обувают, одевают, кормят, на пиво хватает, а что еще нужно? Азарт уже ставил его в безвыходное положение, но спасла жена. Она и сейчас спасает его: работает, работает и работает. Покупает себе дешевые китайские тряпки на рыночных «развалах». Три года не была в парикмахерской. Знаете, уважаемый читатель, если женщина три года не была в парикмахерской, значит, она поставила на себе крест. Главная героиня возложила его на себя и много лет несет. Это любовь? Или уже привычка?

Она не заметила, когда и как забыла сама себя. Любила сыновей, про мужа периодически думала – бездельник, но все время находила ему оправдания: диплом пишет, с ребенком сидит, травмировался и на работу устроиться не может... Она мечтала. Стать учительницей, открыть свое дело, дом построить. Но деньги... Где их взять, если в семье один работник. И только мальчишка из соседней квартиры, смотрящий на нее другими глазами, заставил ее встрепенуться, понять, что она тоже человек, женщина и вполне еще привлекательная.

Все персонажи мечтают. Кто-то о шикарном отдыхе, кто-то о женской ласке, а кто-то просто мечтает отоспаться. В книге нет лишних, «проходных» персонажей. Каждый олицетворяет собой явление. Небольшими штрихами, словно карандашным рисунком, автор показывает судьбу и жизненный путь каждого действующего лица. Его будущее в насто-

ящих реалиях. Вечная борьба добра и зла – это вторая сюжетная линия книги. Следовательно, желающий получить повышение, посадив якобы «педофилку», и адвокат, которому важен сам человек, а не факт, что кем-то обличенным властью «дело взято на контроль». И другой адвокат, который за обещанный миллион совершит любую подлость, будет обманывать и запугивать, ломает судьбу кому угодно, сам пойдет на преступление. Правда, совершит его не своими руками.

Молва людская. Она может прославить, но почему-то чаще обвиняет. Что движет людьми, переносящими сплетни, обрастающие «подробностями» с каждой дальнейшей передачей? Почему они верят молве? И только вопрос судьи «Он вам это сам сказал?» заставляет смущаться, подсознательно понять, что стал сплетником, но даже себе в этом не признаваться. Стыдно.

Житейская история, которая держит читателя в напряжении. Муж, стреляющий в лицо соседскому мальчишке. Опер, натравливающий без пяти минут уголовную братву на этого мальчишку, лишь бы получить от него признание по делу, и сам мальчишка, оказавшийся не по годам «твердым орешком», человеком с характером. Каждого героя читатель начинает представлять зрительно, и ничего удивительного в этом нет – нечто похожее может случиться в каждом городе, доме, если не сказать, что подобное может произойти с соседом по лестничной клетке. Жизнь, бывает, и не такие

сюжеты выстраивает...

Героиня пытается защитить всех: мужа-дурака, детей, себя, мальчишку-сорванца, и к читателю постепенно приходит понимание, что хэппи-энда не будет, он невозможен, слишком противоречивы интересы людей, ради которых она сжигает себя. Зло одолевает, её жертву не принимают, осознание этого приходит к ней постепенно, и женщина, наконец, начинает защищать только себя саму. К ней возвращается младший сын, а тот самый соседский мальчишка, из-за которого и начались ее беды, рано повзрослевший физически, но с понятиями пока детскими, окунается в ставший привычным ему мир. Он рано или поздно будет осужден и получит срок, как и его отец, но надежда, что все уладится, у читателя в глубине души все-таки теплится, потому что автор дает понять, что в глубине его души есть искорка добра. Только раздуть ее некому.

Простым и понятным языком описаны в книге самолюбие, эгоизм, погоня за богатством, гипертрофированная родительская любовь и чувство маленького счастья у маленького человека, которого все время сопровождают три сестры: вера, надежда и любовь, которые побеждают в конечном счете корысть, алчность, равнодушие. Закрыв последнюю страницу, читатель еще долго будет молча размышлять, что бы он сделал сам, случись с ним такое? Наверно, это и есть самое главное, ради чего автор взялся за перо, желая подарить людям эту замечательную книгу.

Николай Королев,
журналист, редактор,
член Союза журналистов России

134-я

*Этой истории могло и не случиться,
если бы её героям немного повезло.
Но она всё равно произошла бы – в другое время,
в другом месте и с другими людьми.*

Глава 1. Светлана

– Ну что, Светик, по домам?

– Да, пора! До завтра, ребята!

На парковке около городского рынка прощались водители грузовых автомобилей. Здесь были мужчины разных возрастов, от юных, только-только вернувшихся из армии, до пожилых, с седыми висками и почерневшими от машинного масла руками. И среди них лишь одна женщина – Светлана Валеева, к которой водители обращались ласково «Светик», с уважением пожимая ей на прощание руку.

Рынок закрывался. Торговцы расходились по домам после трудового дня, а с ними и те, кто с утра до вечера возил их товары. Вещевой рынок, крупнейший в Сибири, был богат, как восточный базар: футболки и полотенца, ботинки и сумки, пуховые платки для старушек и ползунки для малышей, книги, посуда, бижутерия, одеяла, цветочные букеты, собачьи ошейники, средства от насекомых... Да всего не перечислить.

Каждый день Света перевозила на своей «газели» десятки товаров. Рынок для неё был словно поле для крестьянина, а «газель» – как послушная и безотказная рабочая лошадка.

Распахнув заднюю дверцу, Света вытащила несколько пустых картонных коробок, незачем везти их домой. Коврики в машине оказались перепачканы землёй: сегодня пришлось

возить комнатные растения в горшках...

– Давай твои коробки! Я всё равно иду мусор выбрасывать, – предложил водитель Пашка. – Устала, небось, до полусмерти?

– Ничего, я крепкая! – весело отозвалась Света и охотно отдала коробки Пашке.

Она привыкла к тому, что коллеги по-особенному относились к ней, единственной женщине в своём цехе. Тем более что выглядела она совсем не по-водительски. Худенькая, с тонкой талией и стройными ногами – со спины Свету можно было принять за восемнадцатилетнюю девчонку. Вечные джинсы, коротенькая курточка, волосы забраны в простой хвостик.

«Да, вблизи, конечно, не девочка», – невесело усмехнулась Света, забираясь в кабину «газели».

Зеркало отразило усталое лицо женщины тридцати четырех лет. Она быстро отвела взгляд. Давно уже Светлане не доставляло удовольствия подолгу смотреть на свое отражение. А что хорошего увидишь в зеркале? Синеватые круги под глазами, пористая кожа на носу и щеках, опущенные уголки губ...

Сзади засигналили. Пора ехать, освободить дорогу другим водителям. Да и дома ее уже ждут...

Она вела машину по центральным улицам, уверенно лавируя между перестраивающимися рядами. На светофоре

у большого перекрестка, как всегда, образовалась огромная пробка. Света нервно посмотрела на экран смартфона. Седьмой час! Теперь в этой пробке проторчишь бог знает сколько...

Словно услышав ее мысли, смартфон в руке дрогнул. Звонил младший сын Ромка.

– Алло, сынок! Что ты хотел?

– Мам, ты далеко? – быстро спросил мальчик.

– Уже еду домой. Надеюсь, через полчаса буду. Что-то случилось?

– У меня голова болит.

Света вздохнула. В последнее время Ромка всё чаще жаловался на головные боли. Еще бы, в двенадцать лет сидеть за компьютером по семь часов в день! Правда, Света подозревала, что иногда сын попросту симулирует, чтобы не делать уроки.

– Скажи папе, пусть даст тебе таблетку.

– Я просил, а он говорит, что занят.

Света поморщилась, словно голова заболела у нее самой. «Занят» – значит, тоже сидит за компьютером. Ее муж Михаил не просто увлекался компьютерными играми – он в них жил. «Танки», «Дум», «Батлфилд»... Виртуальный мир буквально сводил его с ума. Миша мог играть сутки напролет. И обоих сыновей – пятнадцатилетнего Вову и двенадцатилетнего Ромку – приобщил к своему «хобби».

– Ладно, Ромик, намочи полотенце холодной водой и по-

ложи на лоб. Я скоро приеду.

Света посмотрела на бесконечную вереницу автомобилей, вытянувшуюся перед ее «газелью», и переключила радио на музыкальный канал. Зазвучала знакомая с молодости песня. Света начала тихонько подпевать:

*Девочкой своею ты меня назови,
А потом обними, а потом обмани.
А маленькие часики смеются: «Тик-так».
Ни о чем не жалеи и люби просто так!*

Но мысли невольно вернулись к мужу. Разумеется, он не всегда страдал компьютерной зависимостью. Еще совсем недавно Миша работал прорабом на стройке, и его вклад в семейный бюджет был гораздо больше Светинового. Но год назад с ним произошел несчастный случай. Миша, по своему обыкновению, решил расслабиться после смены вместе с рабочими. Перебрал, конечно, и притом на морозе. Вот и не удержал равновесие – упал с недостроенного дома. Хорошо хоть в сугроб, благодаря этому и жив остался. Конечно, Света жалела его, но временами сквозь сострадание пробивалось и раздражение. Хотелось сказать: «Пить надо было меньше!»

Вереница машин впереди дрогнула и медленно поползла вперед.

– Ну слава тебе господи! – воскликнула Света.

Она следовала за неутомимо медленным ритмом уличного движения. Три метра вперед – остановка. Еще три метра – снова стоп. Света выглянула из окна, пытаясь увидеть, где заканчивается пробка. И даже выругалась сквозь зубы, со всем не по-женски. Казалось, вереница машин тянется до самого горизонта.

– А он дома сидит, в игрушки играет! – с отчаянием прошептала она.

Да, Михаил уже больше года неприкрыто бездельничал. После несчастного случая он отлежался в травматологии, потом долго сидел на больничном. Последствий травмы не осталось, но врачи рекомендовали избегать работы с тяжестями. Да и Мише понравилось сидеть дома. Разве плохо – не надо вкалывать на стройке, можно часами резаться в «танчики»...

Света откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Ей постоянно хотелось спать, в голове часто звенело – это мозг бунтовал против того, что его насильно заставляют бодрствовать. По восемнадцать часов в день, и так неделя за неделей. Когда Свете удавалось наконец добраться до кровати, она просто отключалась, словно телефон, в котором села батарея. Спала без снов, ничего вокруг себя не слыша. Только одна вещь могла разбудить её – ненавистный писк будильника...

– Эй ты! – заорали сзади. – Заснула, что ли?

Света даже подпрыгнула на месте от пронзительного ав-

томобильного сигнала. Из машины, стоявшей позади «газели», высунулась красная, как свекла, мужская рожа:

– Двигай вперед, тетеря тупая!

– Сам тупой! – огрызнулась Светлана. Но тут же взялась за руль и тронулась вперед.

Оказывается, пока она предавалась размышлениям, выпав из действительности, пробка слегка рассосалась, и машины уверенно продвигались через перекресток.

«Скоро я и в самом деле буду засыпать на ходу», – подумала Света.

Сегодня она проснулась, как всегда, в три часа утра. Открыла глаза и секунд десять смотрела в потолок. Лежала и думала: «Встает ли кто-нибудь на свете, кроме меня, среди ночи, чтобы отправиться на работу? За что же мне-то выпало такое счастье?»

А Миша спокойно спал рядом. Раскинувшись на две трети кровати, он жадно втягивал воздух полуоткрытым ртом и с хрипом выпускал его из гортани. Прошло едва ли больше часа с того момента, как он сумел наконец оторваться от монитора и погрузиться в мир снов. Впрочем, торопиться ему было некуда, и восстанавливать силы для новых компьютерных баталий ему никто не мешал.

Света не дала себе времени очнуться от черной пустоты, заменявшей сон. Сразу же вылезла из-под одеяла, мысленно восклицая: «Боже, дай мне хоть один раз поспать столько, сколько хочется!» Она понимала, что ее мечта вряд ли ис-

полнится. Каждый день в эти проклятые три часа утра она отправлялась на работу. Знала, что рассчитывать ей не на кого, только на себя. Она одна кормила всю семью – мужа и двоих сыновей. Вкалывала без выходных, праздников и отпусков. И даже без надежды на небольшую передышку.

Она начинала работать водителем еще во времена «дикого рынка» – барахолки. Перевозила товар с базы для торговцев китайской одеждой, канцтоварами, бижутерией и еще миллионом разнообразных вещей. Чтобы заработать нормальные деньги, в день приходилось брать по четыре-пять заказа. Сначала на склад, загрузить там тюки и коробки с товаром, потом отвезти на рынок, сдать груз клиентам – и снова ехать. Хочешь успеть – надо вставать до рассвета...

– Да черт тебя побери! – воскликнула Света.

Ряд машин перед нею снова остановился. И, как нарочно, впереди встал огромный туристический автобус, заслонив от нее дорогу. Света в изнеможении откинулась на сиденье.

Дома еще куча дел. Нужно смерить Ромке температуру, не подхватил ли ОРВИ. Дать таблетку, загнать в постель, запретив брать туда ноутбук. Приготовить ужин, потом помыть посуду. Да еще чертовы коврики из «газели» забросить в стиральную машину...

Надо то, надо это, и никакого отдыха, кроме нескольких часов мертвого сна. Конечно, Миша мог бы немного помогать по дому. Но так уж в семье повелось с самого начала:

муж считал, что стирка, уборка и готовка – не мужская работа. А Света не настаивала, не хотела разводить скандалы. И ребят не приучила к домашним делам. Значит, сама виновата, теперь тащи этот воз...

Света вдруг почувствовала такую адскую усталость, что уронила голову на руль. «Разве я мечтала о такой работе? – в тоске думала она. – Я ведь хотела быть учительницей начальных классов, учить ребятшек читать и писать. Представляла себе, как стою у доски в изящном черном платье с кружевным воротничком, рассказываю, а десятки пытливых детских глаз смотрят на меня. Малыши заворуженно меня слушают, наперебой поднимают руки, когда я задаю вопросы...»

Мысли спутались, закружились, как снежные хлопья в метели. И Света вдруг провалилась в сон. Внезапно, как это бывает со смертельно уставшим человеком. Почти сразу же случилось то, чего не бывало уже больше года, – сновидение. Необыкновенно яркое, со звуками, оттенками и запахами.

Вот она приехала домой. Входит в свой подъезд, где вечно пахнет сыростью и жареной картошкой. А на коврике у ее двери шевелится что-то светлое. Света нагибается и видит хорошенького белого котенка. Он смотрит ей в глаза и жалобно пищит.

– Ой, малыш! – нежно произносит Света. – Ты, наверное, голодный! Пойдем, я тебя накормлю!

Она берет котенка на руки. Он ласково трется головкой

о ее плечо.

Дальше Света входит в квартиру. Из комнаты Миши доносится воинственный саундтрек из какой-то игры. Не обращая внимания, Света несет котенка в кухню и кормит его домашней котлетой. Малыш довольно мурлычет и трется о ее ноги.

– И почему я раньше не завела кошку? – вслух говорит Света. – С ней и про усталость забываешь!

А котенок вскакивает на табурет, оттуда – на стол, где стоит бронзовый канделябр с горящими свечами.

– Странно! – говорит Света. – Откуда у нас такой канделябр? Никогда его не было...

В этот момент котенок прыгает и опрокидывает свечи. Они мгновенно поджигают скатерть на столе. Огонь перекидывается на табуретки, шкафы, занавески... Света в ужасе кричит, пытается сбить пламя собственной курткой, но это бесполезно. Квартира горит, жар и дым заполняют всё пространство.

– Нет! Нет! – в голос кричит Света.

...Она проснулась в кабине «газели», вся дрожащая от жуткого сна. Сзади отчаянно сигналили автомобили. Еще толком не придя в себя, Света нажала педаль газа.

– Ух, какой кошмар! И приснится же такое! А всё от усталости, – пробормотала она.

Надо взять выходной. Отоспаться, полежать в горячей ванне. Да только вот деньги нужны! Семейная копилка, ме-

таллическая коробка из-под сахара, хранящаяся в кухонном шкафу, пустеет слишком быстро.

То нужны зимние ботинки Ромке, то Вовка просит плеер, то кран на кухне нужно поменять... Себе Света почти ничего не покупала. Круглый год ходила в одних джинсах. На лето – две футболки, на зиму – два свитера. Когда же у нее будут красивые платья и модные туфли, как у других женщин?

Размышления Светланы вдруг прервала изящная серебристая «субару», выскочившая внезапно из левого ряда и резко воткнувшаяся впереди «газели». От неожиданности Света едва успела нажать на тормоз, остановившись перед самым бампером иномарки.

– Эй ты! – возмущенно выкрикнула Света, высунувшись в окно. – Совсем мозгов нет?

Из окна «субару» выглянула девушка с роскошными золотисто-каштановыми волосами, струящимися по плечам. «Наверняка только что из салона красоты», – с внезапной глухой завистью подумала Светлана. А девушка лишь усмехнулась и молча показала Свете средний палец.

– Ах ты гадина! – задохнулась от ярости Света.

На секунду у нее возникло страстное желание со всей силы поддать в бампер серебристой машины, чтобы с девицы слетел ее лоск. Но...

– Успокойся, – приказала она себе. – Ты разобьешь не только ее машину, но и свою. А этой стерве ремонт оплатит богатый папик.

Света очень дорожила своей машиной. Много раз благодарилась за то, что уговорила мужа, когда он еще работал, купить в кредит «газель». Хоть и не новую, но в приличном состоянии. Пусть работать в извозе тяжело, но все-таки это собственный бизнес. И это лучше, чем стоять на морозе, торгуя на рынке. Там вообще полностью зависишь от хозяина. Прикажет работать с восьми до десяти – и будешь, а куда деваться? И не дай боже что-нибудь украдут. Все убытки придется возмещать тебе, из собственного небогатого заработка...

Она увидела образовавшийся сбоку просвет между автомобилями, ловко перестроилась и через три минуты обогнала девицу на серебристой «субару».

– Лузерша! – звонко выкрикнула Света, выглянув из окна.

Этим словечком ее сыновья называли своих противников в компьютерных играх. Свете почему-то стало весело и легко на душе, тем более что пробка впереди окончательно рассосалась. Теперь «газель» катила без препятствий, а через десять минут свернула на улицу, ведущую в сторону от центра города.

«Нет, мне не стоит обижаться на судьбу! – продолжала размышлять Света. – У меня есть моя верная „газелька“, есть силы, чтобы работать. И живется мне лучше, чем многим другим. И Мишка, по крайней мере, не пьет и не бьет, как другие мужья».

Через четверть часа она уже подъезжала к собственному-

му подъезду. Припарковала «газель» на своем обычном месте, между двух сугробов, уже сильно осевших под весенним солнцем. Выскочив из кабины, Света распахнула дверцы, вытащила из салона запачканные коврики и, свернув их в рулон, понесла к подъезду.

Возле двери в подъезд царила необычная суета. Двое мужчин – судя по одежде, грузчики – протаскивали в дверь полосатый диван, еще один волок кресло.

– Давайте побыстрее, ребятки! – подгоняла их незнакомая Свете пожилая женщина. – А то скоро совсем стемнеет.

Только сейчас Светлана заметила напротив подъезда фуру с распахнутыми дверцами. Из нее-то грузчики и носили мебель в дом. Света тотчас вспомнила, что в одной из соседних квартир полгода назад умерла старушка, Марья Васильевна. Видимо, ее дети продали квартиру, и теперь в нее въезжают новые жильцы.

– Здравствуйте! Вы в сто девятую въезжаете? – приветливо спросила она у пожилой женщины. – Соседями будем.

– Да, – с улыбкой ответила та. – Рада буду познакомиться. Меня зовут Ольга Петровна.

– А меня Светлана. Очень приятно.

В это время из подъезда выскочил подросток в черной футболке.

– Бабуль, там мужики спрашивают, в какую комнату диван ставить, – деловито сообщил он.

– Скажи в большую, вдоль стенки у входа, – распоряди-

лась Ольга Петровна и обернулась к Светлане. – А это мой внук, Стасик!

Подросток кивнул и тут же предложил Свете:

– Давайте помогу!

Не дожидаясь ответа, он выхватил из рук женщины коврики и побежал в подъезд.

– Вам на какой этаж? – спросил он.

– На третий! – крикнула Света.

Добежав до своей лестничной площадки, она забрала у парня коврики. И только сейчас рассмотрела его. Высокий, худой, но крепкий. Темные волнистые волосы, брови вразлет. «На какого-то киноактера похож», – подумала Света.

А вслух сказала:

– Спасибо большое!

– Да не за что, – буркнул тот и направился в сто девятую квартиру.

«Нет, не на киноактера, – проводив его взглядом, вдруг поняла Света. – На моего Мишку!»

Именно таким симпатичным был ее Михаил восемнадцать лет назад, когда впервые пригласил ее в кино.

Глава 2. Восемнадцать лет назад

– Светик, привет! – девушку словно разбудил веселый голос, окликнувший ее у входа во двор.

Она обернулась и увидела Мишу Валеева, который слыл первым парнем в школе, да и, наверное, во всем их микрорайоне. Конечно, она знала, как его зовут, но даже и не предположить не могла, что этому красавчику известно ее имя. Они учились в одной школе, только Миша был на год старше, и Света часто смотрела ему вслед, когда он проходил по двору или по школьным коридорам. Смотрела без всякой надежды. Вокруг него всегда крутилось множество девчонок, признанных школьных красавиц. А она... Ну кто она такая?

Света не была особенно привлекательной. Лицо простое, даже грубоватое, нос уточкой, широкие скулы. Она ничем не выделялась среди своих сверстниц, и на нее никто из парней не обращал особого внимания. Она пыталась, конечно, экспериментировать с макияжем: наносила на щеки яркие румяна, подводила глаза. Это делало лицо более выразительным, но не настолько, чтобы превратить Свету в роковую красавицу, пожирательницу юношеских сердец. Единственное, чем девушка могла гордиться, – спортивная фигура с идеальными пропорциями. «Всего в меру», – как выражались старички, вечно заседавшие на лавке у подъезда.

– Привет, а мы разве знакомы? – спросила Света, удив-

ленно глядя на парня.

Миша слегка замялся. Видно, не ожидал, что кто-то в районе может его не знать.

– Ну что ж, давай еще раз познакомимся, – улыбаясь, произнес он.

Такой была их первая встреча, а потом Миша каждый день стал поджидать Свету во дворе. Сначала они сидели в старой беседке под раскидистыми ясенями. Болтали об общих знакомых, о фильмах или музыке. Потом он пригласил ее в кино. Это была итальянская комедия с неподражаемым Адриано Челентано. Света от души хохотала над фильмом, и ее сердце просто купалось в счастье. Во-первых, Мишка умудрился достать билеты на места в последнем ряду, а это считалось негласным приглашением к поцелуям. Во-вторых, во время киносеанса ее увидели три одноклассницы, две из которых в свое время безуспешно бегали за ее спутником. А в-третьих... Да, именно там они впервые поцеловались. Сначала робко и быстро, а затем – всё дольше и слаще. Из кинотеатра Света вышла по уши влюбленной в Мишку.

Был ли он влюблен? Сначала, пожалуй, нет. Света привлекла его стройной фигуркой, а еще больше тем, что никогда не пыталась за ним бегать. Хотелось разгадать эту загадку, узнать, почему она ведет себя не так, как остальные. Но отношения понемногу затягивали, и любопытство переросло в нечто большее: Миша всерьез увлекся новой подружкой.

Все его прежние романы длились от силы по две недели. Девчонки быстро начинали раздражать его своими звонками, записками и ожиданиями у подъезда. Они хотели какой-то неземной романтики, но это было не в характере Мишки. Ну не умел он строить из себя возвышенного джентльмена. «Я человек простой, как пять копеек. Стихов не пишу, серенад не пою, на белом коне не катаюсь», – рассуждал Мишка сам о себе.

А Света никогда и ничего от него не требовала. Она не зудела по телефону, почему он не позвонил ей или не пошел гулять и где пропадал вчера. В общем, не выносила мозг, как это делали практически все бывшие подружки. Миша уставал от надоедливого девичьего контроля и не терпел каких-либо ограничений в своей жизни. Наверное, поэтому Света задержалась в его жизни так надолго.

– Может, зайдем ко мне? – предложил он после очередной вечерней прогулки. – Предков нет дома. Они ушли в гости, к бабушкиной сестре на день рождения.

Декабрьский вечер выдался морозным, и Светлане хотелось немного согреться.

– Ну, если не очень надолго, – помялась девушка.

Знала ли она, что произойдет там, в Мишкиной спальне? Вряд ли. Но сердце почему-то прыгало в груди, как перепуганная пташка. Подруги иногда рассказывали, как у них бывало «в первый раз». В этих историях всегда фигурировали квартира, по какой-либо причине оставшаяся пустой, маг-

нитофон с иностранными песнями, бутылка портвейна...

Миша отпер дверь ключом и пропустил Свету в темную прихожую.

– Входи, не бойся.

Зажегся приглушенный свет. Парень и девушка увидели свои отражения в большом овальном зеркале: румяные от мороза щеки, глаза, горящие отчаянным блеском...

Света до сих пор помнит, как выглядела в тот вечер. Конечно, не такая красавица, как героини французских и итальянских фильмов, но ее лицо так и сияло радостью, надеждой, счастливым ожиданием.

«Пусть он будет моим первым», – мысленно решила она.

Миша провел ее в свою комнату. Предложил сесть в кресло, принес красочный журнал мод, сказав:

– Полистай пока, все подружки моей матери его смотрят.

Потом нажал кнопку магнитофона, и мягкий мужской баритон запел:

Lasciatemi cantare

Con la chitarra in mano,

Lasciatemi cantare

Una canzone piano piano...

Света почувствовала, как по ее спине пробежала колкая волнующая дрожь. А Миша ушел в кухню и через несколько минут вернулся с двумя высокими бокалами, в которых плескалась красно-коричневая жидкость.

– Прошу, мадам, – торжественно объявил Миша, протягивая один из бокалов.

– Это что, вино? – неуверенно спросила Света.

– Венгерский вермут. Дефицит.

Под настойчивым взглядом Мишки девушка не решилась сказать, что никогда прежде не пробовала вина. Молча взяв бокал, она отпила немножко. Как ни странно, жидкость оказалась довольно вкусной – сладковатой, с ароматом неведомых трав.

– За нашу любовь, – сказал Миша и чокнулся с нею, как взрослый.

От вермута по жилам побежало приятное тепло. Всё вокруг показалось Свете таким загадочным, романтическим... А когда Миша сел на ковер у ее ног и стал негромко подпевать итальянской песне, льющейся из магнитофона, девушка почувствовала себя словно бы в волшебной стране. Там, где сбываются все мечты...

– Светик, – прошептал Миша, взяв ее за оба запястья, – если б ты знала, какая ты сейчас хорошенькая!

Они потянулись друг к другу, и губы их соединились. Этот поцелуй оказался самым длинным за всю историю их отношений. Они целовались, сидя вдвоем в одном кресле. Целовались, пока Миша нес Свету на руках до кровати. Целовались, пока он неловкими горячими руками стягивал с нее одежду...

Поцелуй прервался коротким стоном Светы. Она смущен-

но произнесла:

– Ну вот... ты у меня первый.

– Совсем как Гагарин в космосе! – весело ответил Мишка.

Шестнадцать лет – возраст чувственных открытий и эмоциональных разочарований. Пылкие ожидания часто заканчиваются грубым фиаско, а воздушные замки, построенные в мечтах, в реальности рассыпаются в прах. Юная нежная дева оказывается хитрой обманщицей, а влюбленный красавец – бесчувственным пустоцветом.

Но Света и Миша не разочаровались друг в друге. Опыт отношений с другими девушками избавил Михаила от юношеской робости. Свете нравилось, что он не был грубым или скованным. К месту шутил, когда требовалось – подбадривал. Отношения развивались естественно и просто.

Молодые люди встречались то у Мишки, то у Светы, в основном, когда взрослых не было дома. Родители знали об их романе, но не выражали ни одобрения, ни возмущения, предпочитая сохранять нейтралитет.

Мишка учился на втором курсе строительного института, Света окончила школу и поступила в педучилище. К тому времени мать Светланы уже вполне серьезно называла их «жених и невеста». Сама Света говорила о Мишке просто «мой парень». Слово «жених» казалось ей старомодным. В мыслях она, конечно, не представляла, что выйдет замуж за кого-либо, кроме Мишки. Он ее первый, так пусть и останется единственным. Но ведь свадьба не сейчас... Попозже.

Когда они оба закончат учебу и начнут работать.

Однако судьба выбросила другую карту. В начале февраля Света простудилась и несколько дней не ходила в училище. Потом насморк и кашель отступили, но на их место пришла непонятная слабость. По утрам у Светы кружилась голова, на уроках постоянно хотелось спать... Подозрение об истинной причине «недуга» впервые посетило девушку в студенческой столовой, когда ее замутило от запаха щей из кислой капусты. И тут же вспомнилось, что уже второй месяц у нее нет «женских дел». А она-то думала, что это последствие простуды...

Набравшись смелости, Света отправилась в женскую консультацию. Никому не сказала, ни Мишке, ни маме, надеясь в душе, что ее догадка окажется ошибочной.

– Ну что, красавица, жених-то у тебя имеется? – спросила пожилая докторша после короткого осмотра.

– Да, – ответила Света, с недоумением глядя на врача.

– Ну так вели ему к свадьбе готовиться! Беременна ты, и уже недель девять-десять...

Так возникла семья.

Глава 3. Миша

С самого детства Мише всегда везло. Так бывает в жизни, что ее величество фортуна непонятно за какие заслуги щедро одаривает своего избранника всеми возможными благами.

Природа выдала ему полный набор мужской привлекательности: высокий рост, широкие плечи, густые волнистые волосы и красивый голос. Уже четырехлетним малышом он вызывал восторги воспитательниц в детском саду: «Какой милый ребенок! А какой умный!»

А Мишка не то, чтобы был прирожденным гением. Просто он рано начал понимать, когда нужно поднять руку и ответить, а когда стоит промолчать. Ему нравилось, чтобы его хвалили, благо в семье на похвалы в его адрес не скупились. Родители и бабушки неприкрыто баловали своего единственного наследника.

Жили они по советским меркам богато. Бабушка по материнской линии работала на плодоовощной базе товароведом. Ее социальный статус позволил удачно пристроить и дочку с зятем. Мишина мать была директором книжного магазина. Работа в торговле в те годы вообще приносила хорошие дивиденды, а книги и вовсе служили своеобразной валютой. Например, собрание сочинений Дюма-отца можно было обменять на импортный спальный гарнитур. Отец тоже

был при деле, занимая полезную должность инженера авто-сервиса.

Семья всегда хорошо питалась, не затрачивая на это больших денег. Бабушка досконально знала советскую торговую систему и была большим мастером в деле обмена одних материальных ценностей на другие. Миша первым в классе стал носить импортные белые кроссовки. Потом бабушке привезли для внука настоящую куртку-аляску, безумно модную в то время.

Серванты в квартире Мишиных родителей ломались от чешского хрусталя, в спальне красовался финский гарнитур, на тумбе в гостиной гордо возвышался цветной телевизор «Панасоник».

– Везет тебе, Светик! – сказала как-то Марина, лучшая подруга Светы. – Выйдешь за Мишку – будешь вся в фирме ходить!

– Почему? – искренне удивилась Света.

– Да ты что?! – воскликнула Маринка. – Совсем глупая? Ты посмотри, как твой Мишка одет! Джинсы «Монтана», кроссовки «Аидас»! А ты маму его видела? Такая мадама из Амстердама! Одни туфли дороже стоят, чем у моей мамки всё барахло!

Света пожала плечами. Да, она видела, что ее парень одет лучше всех во дворе. Но для нее были важны не Мишкина дорогая аляска, не белые кроссовки и супермодная шапка-петушок, а его крепкие плечи, волнистые волосы и горя-

чие губы.

Света не подозревала, что Мишина бабушка за глаза называет ее «хитро сделанной девицей».

– Думаешь, ты ей нужен? – презрительно усмехаясь, спрашивала она внука. – Ей наш достаток нужен. Машина, квартира, связи...

– Ой, да ладно, ба! – беспечно отзывался Мишка. – Тебе-то что?

– Как что? Она же окрутит тебя! Вырастит живот – и придется жениться.

– Что вы такое говорите, мама?! – возражал Мишин отец, человек мягкий, сохранивший в душе остатки интеллигентности. – Они еще дети. Просто романтическая дружба, а вы сочиняете...

На такие слова бабушка грозно подбоченивалась, и отец предпочитал немедленно ускользнуть в другую комнату. Остаток тирады приходилось выслушивать Мишке.

– Женишься, и будешь всю жизнь на нее вкалывать. А кто она? Ты знаешь, кто ее родители? Работяги! На заводе горбатятся за триста рублей!

Мишка не дослушивал и убежал из дома. Он не любил рассуждать о серьезных вещах. Волейбольные тренировки – это здорово! Дискотеки – весело! Целоваться со Светкой – кайфово! А кто и как зарабатывает деньги... Мишку это не интересовало. Он еще слишком молод. Ему еще хочется гулять, развлекаться, радоваться жизни.

Когда Света сообщила ему о своей беременности, он только глубоко вздохнул и нахмурил брови.

– Злишься на меня? – растерянно проговорила девушка. – Но это же не моя вина. Ты всегда говорил: «У меня всё под контролем».

– Да не переживай, Светик! – прежним шутливо-ласковым голосом отозвался Миша. – Сходим в ЗАГС и распишемся, делов-то куча!

У Светы отлегло от сердца. Девушке было всего восемнадцать, и ей не хватало жизненного опыта, чтобы понять, что ее любимый инфантилен, беспечен, несерьезен. Казалось, впереди жизнь, полная радости. И родные приняли будущую невестку вполне благосклонно. Света не догадывалась, что бабушка пробовала скандалить, но ее быстро урезонила Мишина мать:

– Чего ты переживаешь, мама? Что ни делается, всё к лучшему! Зато Мише отсрочку от армии дадут! А там родит второго, и вообще от армии освободят!

Мишка в разговоре не участвовал. Он лежал в своей комнате на кровати, гонял записи на магнитофоне и мечтал о том, как скоро поедет на соревнования по волейболу. А за стенкой родители обсуждали, в каком ресторане устраивать свадьбу, и утверждали список гостей. Без свадьбы нельзя – знакомые осудят. А знакомыми надо дорожить, если, конечно, хочешь пользоваться всеми благами жизни.

Глава 4. Начало семейной жизни

После свадьбы Миша и Светлана зажили, что называется, душа в душу. Им не пришлось, как многим другим молодоженам, ютиться по общагам или стесняться своим присутствием родителей. Расстаралась опять-таки бабушка Миши. За две недели она провернула фантастически ловкую операцию: продала свою трехкомнатную квартиру и приобрела две двушки, благо к тому времени уже появились риелторские агентства. Поэтому Света с Михаилом сразу поселились отдельно, а это лучший старт для молодой семьи.

Давно уже доказано на практике, что даже из самых лучших побуждений родственники не должны указывать молодым, как им строить свою жизнь. Теща, воспитывающая зятя, или свекровь, упрекающая невестку, мгновенно уничтожит романтическую ауру любви. Да, возможно, юной паре будет тяжело самостоятельно налаживать быт, но лучше уж бороться с трудностями, чем зависеть от чужих взглядов и мнений.

Миша и Света прекрасно обходились без чьих бы то ни было наставлений. Они сами сделали в своей квартире нехитрый ремонт: поменяли обои на стенах, покрасили полы, наклеили кафель в ванной. Когда двое любят друг друга, им интересно даже устанавливать унитаз, лишь бы делать это вместе!

– Везет же Светке! – завидовали подруги в педучилище. – И замуж вышла удачно, и сразу отдельная квартира...

Но больше всего девчонок поражало, что Миша каждый день встречал жену после занятий. И всегда у него был припасен для нее какой-нибудь приятный сюрприз – то букетик цветов, то шоколадка, то воздушный шарик. Света со смехом бросалась к нему, целовала, не смущаясь посторонних взглядов. И они уходили вместе, держась за руки.

– Ну прямо как во французском кино! – посмеивались однокурницы.

Конечно, вы можете спросить: на что жили два студента?

Сначала Миша собирался бросить вуз и пойти работать. Он говорил, что обязан кормить семью, тем более что в ней вскоре ожидалось пополнение. Но родители с обеих сторон возмутились.

– Вот получишь диплом инженера, тогда и работай на здоровье! – сказала Мишина мама. – А пока мы вас прокормим, слава богу, не нищие.

Было условлено, что родители Светы дают пятьсот рублей в месяц, а всё остальное – родители и бабушка Миши. Под остальным подразумевалось питание, одежда, обувь. Ну и ко всему этому еще добавлялась стипендия.

– Директор училища сказал, что перед декретным отпуском меня устроят на работу в какую-нибудь школу, – сообщила Света. – Чисто формально, чтобы я получила декрет. А может, я и на работу туда выйду, после того как малыш

подрастет.

Миша ворчал, что ему стыдно сидеть на шее у предков. Он мужик и должен зарабатывать сам! Но на самом деле была и другая причина: он просто не горел желанием учиться. В вуз его пропихнула бабушка, благо в ректорате были связи. Но учиться-то приходилось самому: корпеть над высшей математикой, конспектировать технические статьи, переводить тексты с английского и, что ужаснее всего, делать чертежи.

Черчение стало первой каплей дегтя в медовой бочке любви. Отношения с рейсфедерами и тушью у Миши никак не складывались. Он всеми вечерами возился, вычерчивая планы зданий и помещений. Делал сотню ошибок, исправлял, рвал испорченные чертежи и начинал всё сначала...

– Ну давай я тебе помогу! – предлагала Света.

Но и у нее получалось ничуть не лучше. Неспособная к черчению подобралась парочка, что поделаешь.

Окончательно измучившись, молодые шли на балкон ужинать. Света подавала жареную картошку с румяной корочкой, горячие котлеты, свежий салат. В отличие от многих девушек, которые выходят замуж совершенно не подготовленными к семейной жизни, с готовкой ей мучиться не приходилось. Мать с двенадцати лет учила Свету кулинарии, считая, что для девчонки это умение важнее, чем хорошие оценки в школе.

– Нравится? – спрашивала Света, глядя, как Миша уплетает ее шедевры за обе щеки.

– Обалденно! – восклицал он. – Ты мой личный шеф-повар!

Он тянулся через маленький столик, целовал свою юную жену, и она с восторгом принимала поцелуи. Они настолько увлекались этим десертом, что забывали перебраться в спальню.

– Энта парочка со второго этажа, ну совсем бесстыжие! – восклицали соседские бабульки на лавках. – У самой пузо на нос лезет, а она всё обнимается!

Света была на шестом месяце – время, когда любая беременная женщина становится необычайно красивой. Живот у нее, вопреки комментариям бабок, был небольшой. Зато грудь поднялась, соблазнительно натягивая ткань тонких платиц, кожа стала белоснежной, губы – пухлыми и алыми, как спелая клубника. Мог ли Мишка устоять перед этой роскошью? А Света и не думала отказывать мужу в близости. Наоборот, в ней только сейчас проснулась настоящая женская чувственность.

Может, во всем были виноваты гормоны. Или природа. Стоял конец весны, ароматы сирени кружили голову. Ну какие, к черту, чертежи при таких обстоятельствах?!

– Знаешь, Светик, я, наверное, брошу вуз, – сказал Миша в один из вечеров.

Они только что сели за ужин, но вместо того, чтобы с аппетитом наброситься на жаркое из курицы, молодой муж сидел понурый. Света даже удивилась: никогда прежде она

не видела своего жизнерадостного Мишку таким.

– Почему? – спросила она. – Неужели из-за черчения?

– Да, из-за него! – озлобленно выкрикнул Михаил. – Парфёныч меня совсем загнобил! Открытым текстом говорит: мол, я тебя до сессии не допущу!

Парфёныч, а точнее Николай Иванович Парфёнов, был преподавателем черчения. При упоминании его имени трепетали даже те, кто окончил вуз лет двадцать назад. Он придирался к малейшей неточности в студенческих работах, заставлял переделывать их по многу раз. А на особо неряшливых чертежах размашисто рисовал поросенка или крокодильчика.

– Он у меня ни одного чертежа не принял. Заново переделывать уже сил нет, – мрачно продолжал изливать душу Мишка. – И зачем мне всё это? Я не хочу быть инженером.

– Подожди, Миш, – перебила его Света. – Ну зачем сразу бросать? Жалко... Уже два года отучился. Может, найдем кого-нибудь, кто сделает тебе эти треклятые чертежи?

– Где ж ты такого найдешь? – горько усмехнулся Мишка. – У нас не всякий старшекурсник с ними справляется!

Но Светлана уговорила его повременить. Она обзвонила подруг, поспрашивала в своем училище, подергала родителей. И – о чудо! – нужный человек нашелся.

По соседству в котельной работал неряшливый, вечно пьяненький мужичок по прозвищу Лёха-Эйнштейн. В прошлом блестящий ученый из Новосибирского академгородка,

он пережил какую-то личную драму и, как это часто бывает, с горя спился. Теперь Эйнштейн работал в котельной и одновременно делал по сходной цене – две бутылки водки – контрольные по математике, физике и разным техническим дисциплинам.

В тот же вечер Света отнесла Эйнштейну всё, что требовалось: задания, бумагу, инструменты и гонорар. Через сутки были готовы семь чертежей, к которым не придрался бы даже вредный Парфёныч. Мишку допустили к сессии, и он мог немного расслабиться.

Света сдала сессию немного раньше и справилась с ней без особых проблем. А потом ее, как и обещали, устроили на работу в ближайшую школу, и она даже успела немного поработать там, надзирая за школьниками во время летней практики. Мишка же усердно готовился к экзаменам. Целыми днями читал, зубрил. Иногда даже ночами сидел над книгой.

Каково же было удивление молодой жены, когда с очередного экзамена Миша домой не вернулся. Стрелки часов показывали одиннадцать вечера, а его всё не было. Света обзвонила всю родню, друзей и, уже отчаявшись, редела в спальне.

Наконец в дверь позвонили. Света со всех ног бросилась отпирать и увидела супруга, который с трудом держался на ногах, привалившись к дверному косяку. Рубашка и брюки на нем были все в грязи, из чего со всей очевидностью

следовало, что сохранять вертикальное положение по дороге к дому Мишке удавалось нечасто. Вдобавок под глазом красовалась свежая ссадина.

– Что с тобой? – в ужасе вскрикнула Света.

– Всё! – театрально взмахнув в воздухе рукой, воскликнул Мишка. – Финиш! Я завалил математику!

В лицо Светлане ударил резкий запах спиртного.

– Ты что, напился, что ли? – спросила она.

– Извини, так получилось... – Он неуклюже перевалился через порог. – Сильно расстроился... Вот и выпил с ребятами...

Он покачнулся и едва не упал, но Света вовремя подставила плечо и с трудом доволокла обмякшее тело мужа до спальни.

– Ну зачем ты так, Миш? – умоляюще спрашивала она, стаскивая с него ботинки. – Наверное, еще можно что-нибудь сделать. Не могут же из-за одного экзамена отчислить! Ну, назначат пересдачу...

Но Мишка уже не слышал. Он храпел так громко, что Свете пришлось ночевать в гостиной. Заснуть долго не удалось: она была взбудоражена произошедшим, из головы не выходила Мишкина проблема. Света ворочалась с боку на бок на неудобном диване, так что даже ребенок начал недовольно толкаться.

– Тише, тише, – поглаживая живот, уговаривала Света, – не волнуйся! Я что-нибудь придумаю!

Проснувшись ни свет ни заря, она тут же позвонила Мишкиной бабушке. Обращаться к ней не хотелось: хоть эта «влиятельная особа» никогда не сказала Свете ни единого плохого слова, девушка подспудно чувствовала, что та ее совсем не любит. Однако выхода не было.

– Здравствуйте! Извините, что так рано, – робко начала она, – но у Миши большие неприятности в институте...

Бабушка, не откладывая проблему в долгий ящик, позвонила ректору, с которым была на короткой ноге. Он, как выражалась бабушка, постоянно отоваривался на ее базе. К тому времени Советский Союз рухнул, но бабушка, обладавшая врожденными задатками бизнесвумен, без труда влилась в новую жизнь. Она приватизировала базу, сохранила часть прежних поставщиков и быстро нашла новых, увеличив тем самым и прибыль, и собственное влияние.

Однако в беседе с ректором вскрылись весьма неприятные вещи. Оказалось, что Миша провалил не один, а три экзамена подряд. О первых двух неудачах он просто никому не сказал, надеясь, что хотя бы в третий раз ему наконец повезет. Две пересдачи еще допускались. Третий провал означал отчисление. Тем не менее благодаря бабушке Мишу оставили-таки в вузе, хоть и перевели на заочное отделение.

– Если хорошо сдаст зимнюю сессию, восстановим на очном, – пообещал ректор.

Он дал это обещание с легким сердцем, понимая, что вряд ли у этого парня хватит усидчивости, чтобы заниматься

самостоятельно. Вузовские преподаватели давно высказывались по поводу того, как он вообще ухитрился поступить. Явно не математического склада ума, да и ведет себя нагло-вато. Что называется, разбалованный мажор.

Миша, кажется, был даже рад такому повороту.

– Знаешь, что ни делается, всё к лучшему, – сказал он Свете. – Теперь я смогу устроиться на работу, и у нас будут собственные деньги!

Конечно, открывающиеся перед Михаилом перспективы трудоустройства не особенно впечатляли. Без образования и квалификации можно было устроиться только на рабочую специальность. Но тут снова пришла на выручку семья: Мишкин отец взял его в автосервис, который три года назад стал его собственностью.

В августе родился Вовка.

– Ребеночек крепкий, – констатировала пожилая докторша. – Да и мамочка молодец! С первого дня на ноги встала!

Первый месяц жизни Вовки был, наверное, самым счастливым в истории молодой семьи. Миша и Света вдвоем ухаживали за малышом, вместе купали его, вместе гуляли с коляской. Приходя с работы вечером, новоиспеченный отец сам стирал пеленки, благо родственники подарили стиральную машину. В этом же месяце он гордо вручил жене свою первую зарплату – триста рублей.

– Мало, конечно! Но я ведь пока ученик. Через пару месяцев будет раза в два побольше.

Но до этого счастливого момента не дошло. Миша крепко повздорил с отцом, хлопнул дверью и ушел с работы. Света не знала точно, что между ними произошло. Муж лишь обмолвился, что отец постоянно к нему придирался, не давал времени на обед и перекуры. Но несколько дней подряд после инцидента отец звонил Мише, и в разговоре с ним тот непременно срывался на крик:

– Ты раба из меня хотел сделать? Мальчика на побегушках? Не получится, понятно?!

Как-то свекор позвонил, когда Миши не было дома. Светлана взяла трубку и услышала его извиняющийся голос:

– Светочка, это ты? Как хорошо, я давно хочу с тобой поговорить...

И он рассказал, из-за чего вышел конфликт. Миша работал, как говорится, лишь бы отвязаться: каждые полчаса уходил курить, от сложных заданий под разными предлогами отказывался. «Я еще не знаю, как это делать», – говорил он. Или даже: «Неохота руки пачкать». Механики не хотели работать с ним в паре и везти весь воз.

– Понимаешь, я сделал ему замечание, а он сразу в бутылку полез. Ты бы поговорила с ним, детка. Ведь это наш семейный бизнес. Со временем он перейдет к Мише. Ему надо вникать во все детали, а не отлынивать...

Света пообещала повлиять на мужа. Но едва она завела об этом речь, тот просто взбеленился:

– Ты что, ему веришь, а не мне? Он унижает меня, разго-

варивает, как с сопливым мальчишкой, при своих работагах. Да сдался мне его бизнес! Я свой открою, если захочу!

Света даже не подозревала, что ее муж может быть таким упрямым...

Однако это было не простое упрямство. Просто Михаил впервые столкнулся с тем, что в жизни приходится делать над собой усилия. Так уж он привык с детства: всё, что хотелось, давалось ему легко и быстро. Одежда, развлечения, школьные оценки... Даже любовь доставалась без всяких препятствий. И вот теперь нужно было работать, а это Михаилу совсем не нравилось...

К отцу он так и не вернулся. Решил взять паузу, чтобы решить, чем хочет заниматься дальше. Заодно готовился к осенней сессии.

– Пока он будет раздумывать, его в армию загребут, – мрачно пророчила мама Светланы, принеся ей очередную «дотацию» – пятьсот рублей.

– Не должны, – испуганно отвечала Света. – У нас ребенок маленький!

– Год исполнится Вовке – и заберут, – качала головой мать.

Света не стала делиться с мужем своими тревогами, но втайне переживала, плохо спала ночами, думая, что же делать. Как она будет жить одна с грудным малышом? Сесть на шею родителям совесть не позволяла. Бабушка Миши по-прежнему снабжала их продуктами и одеждой. Но нельзя же

всю жизнь надеяться на родственников!

Как будто услышав эти испуганные мысли, судьба послала ей телефонный звонок. Звонила завуч школы, в штате которой числилась Света.

– Здравствуйте, Светлана! Не могли бы вы нас выручить немножко? – добродушно начала завуч.

Оказалось, что в школе тяжело заболела учительница труда у девочек. Ей сделали операцию, после которой придется как минимум три месяца пробыть на больничном. Не могла бы Света поработать на замене?

– А мы вам расписание подгоним так, чтобы уроки были всегда пятые и шестые по счету. Чтобы вам рано не приходиться. Ну, два-то часа в день ваш муж сможет посидеть с ребенком?

Света сразу согласилась. Миша тоже не возражал. Наоборот, теперь он был при деле – сидит с ребенком, пока жена на работе. «И ничего позорного в этом нет, – уверенно говорил он друзьям. – В семье должно быть равноправие! На Западе давно такое практикуют».

Зарплата оказалась невысокой, но это были первые деньги, которые Света заработала сама. Она еще не знала, что со временем станет главной кормилицей своей семьи.

Глава 5. Сложности семейной жизни

Стремительно пересыпались песчинки в часах времени, одна за другой перелистывались страницы в книгах человеческих судеб. Семья Михаила и Светланы существовала уже три года.

За это время Мише так и не удалось найти себе подходящую профессию. Он пробовал работать продавцом у матери в книжном магазине, экспедитором на бабушкиной базе, даже ночным сторожем в детском саду. Но нигде не задерживался дольше трех месяцев: то зарплата маленькая, то работа скучная, то начальник дурак.

В институте дела шли ни шатко ни валко. Перевестись на очное отделение не удалось. Миша так и числился заочником, учился без всякого усердия, часто имел хвосты, а на четвертом курсе вообще умудрился остаться на второй год.

– Может, бросить всю эту байду? – спрашивал Миша супругу. – Кому оно надо, это образование? Вон что в стране творится! Люди бизнесом занимаются, из воздуха деньги делают!

– Миш, осталось два года. Доучись уже, – умоляюще отвечала Света.

Между тем жить становилось всё тяжелее. Предприятие, где работали родители Светы, закрылось. Отец нашел себе место в частной охране, а мать долго никуда не брали. Кому нужна женщина сорока четырех лет, не имеющая никакого

опыта работы, кроме как у фабричного станка? После долгих мытарств удалось пристроиться уборщицей в супермаркет. Доходы родителей сократились чуть ли не вдвое, и они не могли больше помогать дочери деньгами.

Света уже не работала в школе. Учительница, которую она заменяла, выздоровела, и пришлось вернуться в отпуск по уходу за ребенком. Однако Светлана успела получить ценный опыт. Преподавая домоводство девочкам, Светлана поневоле контактировала с учителем труда у мальчишек. Младших он обучал столярному и слесарному ремеслу, а в старших классах вел автодело.

– Скажите, а ребята и на права могут сдать после ваших занятий? – спросила его однажды Света.

– Как восемнадцать исполнится – могут, – уверенно ответил трудовик. – А что? Интересуетесь? Могу вам льготное место выбить на курсах вождения. Они у нашей школы помещение арендуют, поэтому учителям скидка пятьдесят процентов.

Воодушевленная Света немедленно ответила: «Да!» Ей с детства нравилось сидеть за рулем. Водить она уже немножко умела: отец учил Свету на своей старенькой «копейке» и говорил, что у нее неплохо получается. Правда, чтобы заплатить за курсы, пришлось занять у Мишиных родителей. Но зато у Светы появились права, а это всегда пригодится!

Когда дотации от Светиных родителей прекратились, Мише пришлось усиленно заняться поиском работы. Он чи-

тал объявления в газетах, звонил, ходил на собеседования, но отовсюду возвращался недовольный.

– Я им что, полный идиот, за такие копейки вкалывать?

Академический отпуск, который Света брала в училище, истек. Нужно было возвращаться к учебе или бросать. Она колебалась, пока не нашла в газете объявление: «Фирма такси. Требуется водитель-женщина».

Не надеясь на успех, она позвонила. Ей ответили: да, есть вакансия. Нужна женщина, имеющая водительские права категории В, готовая работать в режиме «сутки через трое».

– А почему именно женщина? – спросила Света.

Это требование казалось ей весьма подозрительным. Не кроются ли здесь какие-нибудь интим-услуги?

– Многие клиентки побаиваются ехать с мужчинами. Были случаи домогательств со стороны водителей. Не в нашей фирме, но все-таки. Вот и держим одну машину с женщиной-водителем на такие случаи.

На следующий же день Света отправилась в эту фирму, и сразу была принята на работу.

– Придется тебе еще посидеть дома, пока Вовка до садика не дорастет, – сказала она Мише вечером. – Надеюсь, ты не против?

Миша, разумеется, тут же согласился:

– Раз надо значит надо!

В душе супруг был очень рад, что так получилось: он опять обзавелся уважительной причиной, чтобы не работать.

Впрочем, Света на него не обижалась. С ребенком он управлялся замечательно: и кормил, и переодевал вовремя, и вещи стирал.

Светин заработок в такси позволил молодым полностью отказаться от помощи родителей. Бабушка Миши, Впрочем, всё равно привозила продукты, детское питание и одежду.

– Есть деньги, так не тратьте! Откладывайте! Пригодится, может, свою фирму такси откроешь! – говорила она Светлане. – И вообще, дают – бери, бьют – беги!

Единственное, о чем Света жалела, – с педагогическим училищем пришлось расстаться. Она, конечно, не теряла надежды: может быть, удастся получить образование в будущем.

А в остальном всё складывалось вроде бы удачно. Миша нормально окончил четвертый курс. Но в это время случилось страшное – сменили областного военкома. Прежний был хорошим другом Мишиной бабушки и родителей. Он безоговорочно давал Михаилу отсрочки, несмотря на то, что тот не имел на это никаких причин: учился заочно, а ребенку уже исполнилось два года.

– Повысили его! – нервно кричала в телефонную трубку Мишина мать. – Повысили на нашу голову! Теперь нового пришлют, неизвестно какого. А вдруг окажется слишком идейным и на лапу брать не будет?

Разговор происходил в начале лета, когда до осеннего призыва было еще далеко. Но Михаил заранее помрачнел.

Идти в армию ему совсем не хотелось – это еще хуже, чем работать! Он привык жить свободной, расслабленной жизнью. Утром спал, пока не просыпался Вовка, неторопливо кормил малыша кашкой и одновременно смотрел телевизор, потом усаживал малыша в коляску, и они отправлялись на прогулку.

В бумажнике у Миши всегда водились деньги. Света часто поручала ему купить продукты или бытовую химию и денег давала не считая. А Миша обязательно выкраивал на баночку-другую немецкого пива, садился в парке на лавочку и наслаждался отдыхом. К нему подсаживались скучающие пенсионеры с домино или шахматами. Миша играл, а почему бы нет? Ребенок дышит свежим воздухом, а отец при нем. Да и в те дни, когда Света не работала, гулять и за покупками всё равно ходил Миша. Ей же нужно отдохнуть, ну и обратиться, обед приготовить. За такие дела Миша не брался, считая их немужскими. А Света и не настаивала.

И вот теперь эту блаженную жизнь придется сменить на армейский режим? Казарма, бессмысленные приказы, издевательства дедов и непосильные нагрузки? Нет, ни за что!

Света вернулась со смены около девяти утра. Миша еще кормил Вовку, по своему обыкновению напротив телевизора.

– Ну как вы тут, мужики? – весело спросила Света, целуя сына в пухлую щечку.

– Нормально, – невыразительно отозвался Миша.

– Поставь чайник, пожалуйста! Умираю – хочу кофе! А я быстренько в душ.

Она сбросила куртку и кроссовки и сразу же отправилась в ванную. Миша включил электрический чайник, кинул в Светину кружку ложку растворимого кофе и снова сел к телевизору. Вовка ползал по ковру и, хихикая, тормозил отцовские ноги. Но Миша этого не замечал. Он уставился на экран невидящими глазами и думал, думал...

– Готов кофе? – крикнула Света, выходя из ванной.

На ней была Мишина белая футболка, со вчерашнего дня сушившаяся на веревке над ванной. Сквозь тонкую ткань просвечивали узкие красные трусики и грудь без бюстгалтера. Ноги и руки Светы были еще влажными после душа.

– Я твою футболку нацепила, извини, – сказала она, заметив взгляд мужа, скользящий снизу вверх по ее фигуре. – Забыла халат с собой взять.

– Ох, Светик! – тихо проговорил Миша. – Какая же ты у меня все-таки симпатяжка!

Он встал с места и порывисто обнял жену. Его ладони, вмиг ставшие горячими, жадно скользили по ее спине, плечам, бедрам...

– Мишка, ну ты чего? – удивленно шептала Света. – День на дворе... И ребенок смотрит!

– А может, я соскучился, – возразил Мишка. – А ребенок всё равно не понимает... Иди ко мне, моя рыбка!

Он ловко подхватил Свету на руки и понес в спальню. Распаленная его прикосновениями, она постанывала и слабо протестовала:

– Сегодня день неподходящий... И резинок нет! А вдруг влипнем?

– Ну и пусть влипнем, – осыпая жаркими поцелуями ее грудь, бормотал Мишка. – Разве мы не женатые люди? Не имеем права на второго ребенка?

Опасения Светы и надежды Михаила сбылись. К началу осеннего призыва у Светы было уже четырнадцать недель беременности. Новый военком больше не угрожал семейному спокойствию: мужчин, имеющих двоих детей, в армию не берут.

Родня Миши успокоилась и решила порадовать молодых супругов шикарным подарком – трехкомнатной квартирой. Вернее, нужно было сначала продать старую «двушку», а недостающую сумму родственники готовы были выделить. Света радовалась, возбужденная радостными мыслями о новом жилье, о будущем малыше. Она продолжала выходить в рейсы, ведь живот еще небольшой, а чувствует она себя великолепно!

– Ты не волнуйся! – подбадривал ее Миша. – Как уйдешь в декрет, я найду какую-нибудь работу. Сейчас работы везде – море!

В это море Михаил нырял не раз. Поработал в охранной фирме вместе с отцом Светы – скучно. Пошел к бабушке

на базу кладовщиком – еще хуже.

– Все-таки надо по специальности работу искать, – рассуждал он, покачивая головой. – Вот окончу вуз и пойду в какую-нибудь строительную фирму...

Весной родился Ромка. Семья снова жила на иждивении родителей. Но о том, чтобы искать работу или даже подработку, Света и думать не могла. Вторым ребенком оказался далеко не таким спокойным, как первенец. Дни и ночи Ромка кричал без всяких видимых причин. Пробовали показывать его педиатрам, но врачи в один голос твердили: мальчик абсолютно здоров. Ну а кричит – это нормально, легкие разрабатывает.

Света окончательно измоталась. Ночами она не спала, успокаивая Ромку, а днем, когда малыш отсыпался, занималась бесконечными домашними делами: стирка, глажка, готовка – отдельно мужу, отдельно детям. А потом гора посуды... А на руках еще трехлетний Вовка. К вечеру Света была словно выжатый лимон.

Миша в это время помогал мало. У него была защита диплома, и понимающая супруга старалась не докучать ему домашними проблемами. Пусть готовится, пусть закончит этот вуз наконец.

Когда заветный диплом оказался у него в руках, Мишина бабушка устроила настоящий праздник. Заказала банкет в ресторане, куда пригласила всю родню, друзей и несколько нужных людей.

– А с кем же мы детей оставим? – растерянно спрашивала Света. – Может, ты один пойдешь? Это твой праздник.

– Попроси маму. В конце концов, это и ее внуки тоже.

Миша произнес это без всякого ехидства, но Света поняла намек. Мишины родственники каждую неделю привозили детям подарки: детское питание, дорогие игрушки, одежду. Светины же родители могли подарить что-нибудь лишь изредка. Но, зная об их более чем скромном достатке, она не посмела бы их ни в чем упрекнуть.

Просить мать она не стала. Позвонила Ане – девушке, с которой дружила со времен колледжа. Своих детей у Ани не было, но она часто подрабатывала няней. Так решилась одна проблема, но тут же возникла вторая: что надеть?

Света вытряхнула из шкафа все свои нарядные вещи. Оказалось, что их катастрофически мало и ни одна не подходит для банкета. Все красивые платья и юбки вышли из моды и притом болтались на Свете как на вешалке. Она и сама не замечала, как из-за беспрестанной возни по дому не успевала толком поесть.

– Наверное, килограмм семь скинула, – пробормотала Света, в отчаянии перебирая одежду.

Ей вдруг пришло в голову, что, кроме обиходных футболок и штанов, она не купила себе ни одной обновки с тех пор, как вышла замуж. Где платья? Где красивые блузки, юбки и модные джинсы? Ничего... Ничего... Впервые Света почувствовала, что в ее жизни что-то не так. Опустившись

на кучу одежды, она закрыла лицо руками и заплакала от жалости к себе.

Вдруг она отчетливо осознала, что со дня свадьбы ей не удавалось ни минуты отдохнуть. Просто поваляться на диване с книжкой, посидеть с подругами в кафе, сходить в магазин за одеждой или косметикой. Она покупает на рыночных развалах дешевые китайские тряпки. Три года не была в парикмахерской. Она только работает, работает, работает...

А Миша всё это время просто сидит дома. И одет он прекрасно: бабушка покупает вещи и для него, и для детей, но не для Светы, неизменно заявляя ей: «Извини, я не знаю твоего размера». Кажется, родня мужа вообще воспринимает ее как дешевое приложение к Мише.

Она ревела отчаянно, как обиженная первоклассница. Но слёзы пошли ей на пользу. Придя в себя, Света встала и решительно полезла на верхнюю полку шкафа. Там хранились давно не используемые вещи, закинутые туда на случай «а вдруг пригодятся». Света порылась и достала белые брюки, которые носила в девятом классе. Когда-то она из них выросла, а теперь...

– Супер! – сказала она себе, полюбовавшись на свое отражение. – И вот эту маечку!

В белых облегающих брюках и блестящей черной майке Света выглядела такой юной и изящной, что мужчины на банкете засыпали ее комплиментами. Никто поверить

не мог, что у этой молодой женщины двое детей, одному из которых всего три месяца.

– Ну, теперь ты, Михаил, дипломированный специалист! – похлопал племянника по плечу после нескончаемой череды тостов Мишин дядя. – Сможешь работать в строительстве.

– Да, – вяло усмехнувшись, отозвался тот. – Но работу еще найти нужно.

– Я уже нашла, – громко сказала Света. – Я говорила с завучем школы, где работала. Ее муж – директор строительной компании. Он берет тебя прямо с понедельника.

Голос Светы прозвучал так уверенно и твердо, что гости, не сговариваясь, заплодировали ей. Миша старался улыбаться, но в глазах его застыло смущение.

Глава 6. Мечты и реальность

Как ни странно, на новой работе дела у Миши пошли хорошо. То ли его на самом деле тянуло к строительству, то ли льстил статус дипломированного специалиста, но он работал с удовольствием. И зарплата оказалась вполне приличной. Света вздохнула с облегчением. Неужели они теперь живут как люди?

– Кажется, Мишка твой остепенился, – заметила как-то мама.

– Да он вроде всегда вел себя нормально, – сдержанно ответила Света. – Не пил, не гулял...

– Это верно, – кивнула мать, – но и сидеть дома молодому мужику стыдно. Жена из декрета выходила, чтобы работать, а он дома ваньку валял!

Света удивилась. Мать никогда прежде не выражала недовольства зятем. Почему же она заговорила об этом теперь?

– Чтобы ты снова душой не была, – ответила на соответствующий вопрос мама. – Работает и пусть дальше работает. А ты не выскакивай из декрета раньше положенного. Сиди до упора, все три года. Теперь твоя очередь расслабляться!

Света подумала, что мать, пожалуй, права. К тому же Мише работа нравится. Он с упоением рассказывал ей вечерами о коллегах, о стройматериалах, о смешных и сложных ситуациях, возникающих на объекте. У него появились новые друзья. Несколько раз они со Светой даже ездили на дачу к инженеру, с которым Миша особенно подружился.

Однако два обстоятельства очень беспокоили Светлану. Во-первых, Миша стал страшно ругаться. Сначала матерные словечки выскакивали изредка, потом стали звучать почти в каждой фразе. А через полгода работы на стройке он научился выдавать такие затейливые выражения, что поразил бы любого филолога. Сама Света, может, и потерпела бы, но папины слова стали повторять дети. Дошло до того, что воспитательница в Вовкином детском саду отчитала Свету на родительском собрании.

– Всё из-за тебя! – набросилась она на мужа. – Ты материшься, как сапожник, а я должна выслушивать нотации!

– Я не сапожник, – со смехом ответил Миша. – Я прораб, это еще хуже. А воспиталкам скажи, чтобы ко мне обращались. Я их быстро пошлю, куда следует.

– Миша! – гневно вскричала Светлана.

Он пообещал дома сдерживаться в выражениях, но не особенно старался. «Может, и правда работа такая? – думала Света. – У каждой профессии есть свои примочки. Таксисты любят байки из жизни рассказывать, учителя всех поучают, а торгаши, как Мишкина бабка, постоянно считают деньги».

Но гораздо больше ее настораживала еще одна новая привычка мужа: по пятницам он стал возвращаться с работы под хмельком. Объяснялось это просто: «Мужики решили отметить конец недели». Затем пьяные возвращения стали происходить и среди недели. И каждый раз находилась уважительная причина: обмывали завершение объекта, приезжала

комиссия – накрывали поляну.

Светлана не поднимала скандалов, поскольку сильно Миша не напивался, что называется, слегка под градусом. Ее настораживало лишь то, что обмывания и отмечания входят в привычку.

– Ты что, хочешь в алкаша превратиться? – спрашивала она сердито.

– Алкашами становятся те, у кого это наследственное, – возражал Миша, – а у меня таких в роду нет. Отец вообще не пьет, у него язва. И оба деда были непьющие...

Света не знала, что возразить. Муж и так был от природы словоохотлив, а работая с людьми, научился мгновенно выдвигать нужные аргументы. Она же сидела дома, погруженная в хозяйство, детские болячки и мелкие бытовые проблемы. У нее не было ни сил, ни времени даже почитать книжку или встретиться с подругами.

Неужели ей не хотелось вырваться из этой рутины? Хотелось, еще как! Возясь со стиркой и грязной посудой, она мечтала: «Вот пойдет Ромка в садик, тогда я вернусь в такси. Снова буду зарабатывать и, как советует Мишина бабка, откладывать, копить. Может, заведу счет в банке, чтобы нарастали проценты. А когда скопится хорошая сумма, открою свой бизнес».

Скорее всего, это будет собственная служба такси. Или агентство грузоперевозок. Дело выгодное – Света помнила, сколько прибыли сдавали таксисты в кассу в конце рабоче-

го дня. Сначала нанять людей с личными автомобилями, постепенно можно покупать машины и пополнять свой автопарк...

Иногда она делилась мечтами с мужем. Тот слушал и поощрительно гладил ее по плечу:

– Молодец, Светик, правильно мыслишь! У тебя прямо есть предпринимательская жилка!

Но себя в Светином бизнесе он не видел. Даже не предлагал своей помощи. Видимо, считал, что его место – стройка, и ничего менять не хотел. Это охлаждало энтузиазм Светы. Ей-то хотелось делать всё вместе с мужем...

Она действительно вышла на работу в такси, как только Ромка пошел в детский сад. Работала, копила, но не особенно успешно. Дети росли, росли и траты: требовалось больше одежды и обуви, а кроме того развивающие игрушки, карандаши, краски, конструкторы... Светлана не хотела, чтобы ее сыновья хоть в чем-то были хуже других детей. Она покупала им всё самое лучшее. Поэтому сбережения накапливались медленно.

Вдобавок Миша стал приносить домой с каждым месяцем всё меньше денег. Он жаловался, что им урезали расценки, но Света подозревала, что часть зарплаты уходит на регулярные попойки с коллегами. Поднимать крик из-за этого не хотелось. Она вообще не любила скандалы, предпочитая решать проблемы спокойно, без шума.

Так бы всё и продолжалось, если бы однажды на улице

к Свете не подошел Мишин друг, инженер. Запинаясь и отводя глаза в сторону, он сказал:

– Светлана, ты бы последила за Мишкой...

– А что такое? – с тревогой спросила она.

Естественно, первое, что пришло ей в голову: у мужа появилась любовница. Но инженер помотал головой:

– Нет, не то, что ты думаешь. Просто... Мишка играть повадился в автоматах. Проигрывает и деньги у ребят занимает. У меня занимает, чтобы Сане отдать, у Кости – чтобы отдать мне. Свет, это штука опасная. Люди и квартиры проигрывают!

В тот же вечер Света устроила мужу допрос с пристрастием. Он сознался: да, играет. Просто чтобы отвлечься. Работа тяжелая, хочется чем-то встряхнуть нервы.

– Мне приключений не хватает, понимаешь? – опустив голову, объяснял он. – Хочется чего-то яркого, необычного. А тут каждый день одна и та же тягомотина.

– На приключения надо сначала заработать! – сердито отвечала Света. – Сам ведь говорил: люди из воздуха деньги делают! Вот на эти деньги они и путешествуют, на яхтах катаются, с парашютом прыгают.

Мишка вздыхал, соглашался, признавал себя полным дураком. Светлана поинтересовалась, сколько он должен коллегам. Достав блокнот, Миша проверил записи. Оказалось, около сорока тысяч. Света ахнула, закрыв лицо руками. Плечи ее дрогнули, и она впервые за восемь лет семейной жизни

разрыдалась при муже.

Это была настоящая женская истерика – с воплями, сто-нами, диким смехом. Усталость и возмущение, копившиеся все эти годы, вырвались наружу. Миша смертельно перепугался, забегал вокруг Светы с водой и валерьянкой.

– Ты всю мою жизнь угробил! Всю кровь выпил из меня! Эгоист, сволочь ленивая! – голосила Света.

Прибежали сыновья и, увидев мать в слезах, тоже хором заревели. Мише с трудом удалось успокоить всех троих. Он клятвенно пообещал Свете, что завтра же займет у родителей, отдаст долги и навсегда завяжет с автоматами.

– Нет уж, – всхлипывая, сказала Светлана. – Еще и у родителей занимать? Возьми мои сбережения. Но если я еще раз узнаю, что ты играешь, заберу пацанов и уйду от тебя. Навсегда уйду, понял?!

Так Светина мечта о собственном бизнесе отодвинулась на неопределенный срок. Что же касается Миши, то нельзя сказать, сдержал бы он свое обещание. Вышел правительственный указ о запрете игровых автоматов, и увлечение Михаила закончилось само собой.

Еще пару месяцев Света поработала в такси, а затем уго-ворила мужа взять кредит на покупку «газели». «Начну с этого, – решила она, – а там, может быть, удастся зарабо-тать на собственную фирму».

«Сколько же моих мечтаний ушло в никуда, – думала Све-та, паркуя „газель“ недалеко от своего подъезда. – Мечта-

ла быть учительницей, потом хотела открыть свою фирму. И построить коттедж, и поехать по дальним странам, и выучить английский... Ничего, ничего! Как будто судьба нарочно лупит меня по рукам, как только я протяну их чуть дальше положенного...»

Глава 7. Детство стасика

Детство Стасика прошло в слезах его бабушки. Сколько он себя помнил, бабушка всегда плакала. Горько завывала, когда его папа не являлся домой с работы. Самого Стасика это нисколько не расстраивало, наоборот. Ему было уже пять лет, и он отлично знал, в каком виде тот возвращается после трудового дня.

Отец шумно вламывался в дверь, горланя песни, которые бабушка называла похабными. Швырял куртку на пол и тотчас начинал поучать домочадцев: как надо готовить борщ, убирать квартиру, как полагается ждать мужа. Все молчали, потому что знали: скажешь хоть слово – и разразится дикий скандал с воплями, швырянием стульев и битьем посуды. Впрочем, и молчать было опасно. Устав разговаривать сам с собой, отец подходил к матери и хватал ее за плечо.

– Что молчишь? Выражаешь это... как его... презрение? Ах, как же, мы слишком важные персоны, чтобы разговаривать с пьяным! Да, я пьяный! Имею право! Я – трудящийся человек!

Мать жмурилась от страха, потому что он в любой момент мог ударить. Бабушка цеплялась за отца, причитая со слезами:

– Оставь ее, сынок! Приляг, отдохни! Успокойся!

– Не мешай, мать, – отталкивая ее, отвечал пьяный, – это

моя жена! Я ее научу уважать мужа, который работает...

Нередко выяснение отношений заканчивалось дракой. Отец бил мать, толкал бабушку, которая пыталась его уговорить, крушил всё, что попадалось на пути.

Стасик боялся его до полусмерти. Во время скандалов он прятался под стол или диван, а потом научился забираться в платяной шкаф. Сидя в темноте, мальчик жмурился и затыкал уши пальцами, чтобы не слышать плача бабушки и криков матери. Так прошло его раннее детство – время, которое у людей обычно связано в памяти с любовью родителей, веселыми прогулками, игрушками и мороженым.

Конечно, мама и бабушка любили его. Но от постоянных нервотрепок с отцом обе женщины стали запуганными, неразговорчивыми. Да и денег в семье было в обрез. Отец пропивал почти всю свою зарплату. Заработков матери и пенсии бабушки хватало на жизнь, но не более того.

Стасик с завистью смотрел на красивые игрушечные машинки и пистолеты, которыми хвалились мальчишки во дворе. А если видел, как другие папы играют со своими детьми, учат их кататься на велосипеде или носят на плечах, отворачивался и уходил. Ему казалось, люди делают это нарочно, чтобы его подразнить. Разве так бывает на самом деле?

Однажды маму Стасика вызвали в детский сад.

– Ваш мальчик постоянно дерется с другими детьми, – сообщила ей воспитательница. – Отбирает у мальчишек игрушки, ломает их. Бьет девочек. И еще... – воспитательница по-

низила голос, и на лице ее отразилось беспокойство. – Ему пять лет, а он до сих пор мочится в постель во время тихого часа. Нянечки подстилают ему клеенку, как годовалому малышу. Вам следует показать его врачу.

Мать кивала, растерянно глядя себе под ноги. Стасику не было ее жалко. Он злился. Почему мама не заступает за него, а молчит?

– Он не выговаривает несколько звуков, – продолжала воспитательница. – Наш логопед занималась с ним, но результата нет: у ребенка педагогическая запущенность. Скажите, у вас дома всё благополучно?

– Да, – быстро подняв голову, ответила мать. – У нас нормальная семья! Как у всех!

Стасик даже кулачки стиснул от злости. Зачем она врет?!

Он не понимал поведения матери и думал: может быть, это она виновата в том, что отец пьет и скандалит? Может, если бы не мать, отец был бы добрым, как у других ребят во дворе? Но детский ум неспособен анализировать сложные взрослые проблемы. Стасик рос, не зная любви, доверия, доброты. Он ощущал лишь страх перед отцом и обиду на мать.

А потом жизнь вдруг резко изменилась. Отец перестал возвращаться с работы. В доме воцарилась странная, давящая тишина. Поначалу Стасик непонимающе поглядывал на входную дверь и шарахался от каждого звонка. Но отец не приходил, и вскоре мальчик стал забывать крики и скан-

дали. Однажды утром в воскресенье он проснулся, но продолжал неподвижно лежать в полудреме. Мать и бабушка негромко беседовали, думая, что ребенок спит.

– Грех говорить такое, ведь он мне сын, – всхлипывая, бормотала бабушка, – но всем только легче от того, что он сел. Тебя было жалко и Стаську... За что ж вы мучились, бедные?!

«Про папу говорит, – подумал Стасик. – Значит, он не ушел на работу навсегда. Он куда-то сел!»

– Господи, спасибо тому мальчику-милиционеру, который освободил нас от этого кошмара... ценой своей жизни! – воскликнула мать.

Стасик заворочался в постели, и женщины тотчас смолкли. Позже мальчик узнал, что его отец попал в тюрьму за убийство милиционера. Крепко напившись после работы, он учинил во дворе дебош. Участковый и соседи пытались утихомирить хулигана. Отец выхватил из кармана нож и ударил милиционера в бок. Тот скончался в больнице через два часа. Ему было всего двадцать пять, у него остались жена и годовалая дочка.

В суде отец каялся, говорил, что нанес удар нечаянно. Но суд приговорил его к шестнадцати годам лишения свободы. Семья вздохнула с облегчением. Никто больше не скандалил, и вечерами мама читала Стасику книжки, играла с ним в кубики и настольные игры. Без всякого логопеда она за два месяца выучила его правильно произносить все звуки.

Зарплата у матери была небольшая, но с каждой получки она покупала сыну какую-нибудь игрушку.

Стасик слышал, как бабушка молилась перед иконами и просила боженьку вознаградить погибшего милиционера и послать хорошей жизни его вдове и дочке. Иногда она молилась и за отца, сидевшего в тюрьме.

– Наставь на путь истинный... Наставь на путь истинный...

Слыша это, Стасик представлял себе, как отец сидит в узкой темной клетке и вопит от злости, как делал это дома. А убитый милиционер смотрит на него сверху и приговаривает: «Так тебе и надо!»

Но спокойная жизнь длилась недолго. Сначала мама стала уходить надолго – на целый день и ночь.

– Где мама? – волновался мальчик, с тревогой поглядывая на темные окна. – Почему она не идет домой, бабуля?

– Не волнуйся, детка, – отвечала бабушка, – мама теперь на сутках. Растить-то тебя надо, денежки зарабатывать...

Мать Стасика работала медсестрой. Раньше в поликлинике, а теперь перешла в хирургическое отделение, где зарплата повыше. Дежурила сутками, а потом оставалась еще до вечера. Приходила еле живая от усталости, проводила сутки дома и снова шла на дежурство.

– Зачем ты так много работаешь? – сердито спрашивал Стасик. – Без тебя скучно!

С бабушкой и в самом деле было неинтересно. Она целы-

ми вечерами сидела перед телевизором или болтала с соседками на лавочке у подъезда. Она не читала Стасику сказок, не играла с ним. А если мальчик приставал с разговорами, то ворчала:

– Иди-иди, поиграй с ребятами! У меня с утра давление скачет!

Потом мама стала оставаться дома чаще. Она лежала на кровати в своей комнате, но не спала, а смотрела в стену странным остановившимся взглядом.

– Мам! – испуганно восклицал Стасик. – Ты чего?

Он приносил к ней на кровать книжки или домино с картинками и предлагал:

– Давай поиграем!

Она соглашалась, но уже через десять минут книга падала из ее рук, и мама засыпала. Стасик тормозил ее, но бабушка оттаскивала его за руку.

– Отстань от матери! Дай ей полежать... Болеет она.

Мальчик стал замечать, что мама почти ничего не ест. Лицо ее стало худым и постоянно казалось усталым, хотя она только и делала, что спала. Мама с бабушкой часто обсуждали что-то вдвоем, но замолкали, едва Стасик входил в комнату.

Потом маму положили в больницу. Больше Стасик ее никогда не видел. Он часто спрашивал бабушку, когда мама вернется домой. Но та отвечала, что мама в больнице и навещать ее пока нельзя. Вот выздоровеет и вернется.

Постепенно ребенок стал забывать о матери. Книжки и домино с картинками пылились в коробке под кроватью. Стасик боялся к ним прикасаться. Ему казалось, что без мамы эти вещи трогать нельзя. Целыми днями он болтался во дворе, играл с соседскими детьми, но чаще дрался, отбирал у них игрушки, топтал ногами дворцы из песка, возведенные малышами в песочнице.

Однажды он выхватил из рук у маленькой девочки пластмассового зайца и немедленно открутил ему уши. Девочка с ревом побежала жаловаться матери.

– Ты чего хулиганишь? – сердито прикрикнула на Стасика женщина. – Думаешь, раз сирота, то всё можно?

Стасик не понял, что такое сирота. Объяснил Димка, дворовый приятель тремя годами старше.

– Ну, у тебя ведь мамка померла. Поэтому ты сирота. А ты не знал разве?

К тому времени Стасику уже исполнилось семь лет. Остался месяц до школы. Он не поверил Димке и побежал к бабушке. Та расплакалась и созналась:

– Да, Стасенька. Еще в феврале померла наша мамочка. Тогда и схоронили.

Позже, будучи подростком, Стасик спрашивал, почему же его не взяли на кладбище. Бабушка ответила:

– Не хотели, чтобы ты волновался. Зачем малышу такое знать?

Дети быстрее взрослых приспосабливаются к новой жиз-

ни. Стас быстро забыл отца. Еще быстрее он привык к роли сироты. Его не пугало и не расстраивало то, что у него нет родителей. Наоборот, он научился использовать свое положение.

Наверное, всё началось с того времени, как Стас пошел в первый класс. Он не проучился и месяца, как к ним домой явились две важные тетки в строгих костюмах.

– Здравствуйте! – деловито сказала одна из них. – Здесь проживает Ольга Петровна Крюкова?

– Это я, – удивленно и слегка испуганно ответила бабушка. – А что случилось?

– Случилось то, что ребенок остался фактически сиротой. – Черноволосая тетка в сером костюме ткнула пальцем в застывшего на месте Стаса. – А вы, Ольга Петровна, не оформляете опеку?

– Так я ж не знала! – пробормотала бабушка.

– Нужно было посетить надлежащие инстанции и спросить, – продолжила вторая тетка с волосами цвета вареной свеклы. – Вам ведь положены опекунские выплаты.

– А мальчику – пенсия по потере кормильца, – подхватила черноволосая. – Кроме того, он имеет право на льготные путевки в санатории и детские лагеря, на бесплатные подарки и другую помощь от государства...

Тогда Стасик не понял ничего, кроме слов «подарки» и «помощь». Но ему казалось, что тетки ругают бабушку, поэтому он смотрел на них исподлобья. Однако они не сдела-

ли ничего плохого, только дали бабушке подписать какие-то бумаги и отправились восвояси.

Но с того времени слово «сирота» прочно связалось в представлении мальчика с понятиями «подарки» и «помощь». Каждый месяц бабушка приходила домой с сумками, битком набитыми всяческой вкуснятиной.

– Пенсию получила на тебя, Стасенька, – поясняла она. – Вот, тортик купила, колбаски копченой взяла... И свитерок тебе новый...

Бабушка тратила Стасовы деньги честно – исключительно на ребенка. Разве что продукты покупала на двоих. На Новый год Стасу всегда приносили сладкий подарок «от опеки». А летом непременно предлагали путевку в лагерь.

Так у Стаса сформировалось убеждение – быть сиротой выгодно. За это дают подарки и деньги. И еще сиротам позволено больше, чем обычным детям. Это он понял в третьем классе, когда бабушку впервые вызвали в школу.

Учительница начала жаловаться. Говорила почти то же самое, что и воспитательница в детском саду:

– Дерется, обижает одноклассников, отбирает у детей ручки, пеналы, линейки и ломает...

Потом перешла на учебу:

– Стасик невнимателен на уроках. Постоянно смотрит в окно или вертит что-нибудь в руках. Выкрикивает с места. Когда вызываю к доске, втягивает голову в плечи и молчит. Если повышаю голос, вздрагивает, закрывает голову рукой,

точно боится удара.

– А что ж вы хотите, миленькая, – тяжело вздохнула бабушка, – он ведь практически сирота. Мапочка у него померла, отец в тюрьме... Пожалеть надо ребенка!

Молодая учительница с испугом посмотрела на Стаса. И с тех пор стала «жалеть»: никогда не ругала, завывала от метки. В средние классы Стас перешел с уже сложившейся репутацией: «Мальчик в учебе слабенкий, но надо жалеть. Он ведь сирота».

Учиться ему было неинтересно. Он пришел в первый класс без базы: не знал букв, не помнил на память ни одного стишка. Но что хуже всего, он не доверял взрослым. Отец нарочно сел в тюрьму, мать нарочно заболела и умерла. Всё для того, чтобы избавиться от него. Бабушка отмахивалась от него, как от надоедливой мухи: «Не донимай меня! Без тебя тошно! Иди гулять!»

Ну и как после этого доверять им, большим, хитрым и жестоким обманщикам? Такими он считал всех взрослых: школьных учителей, теток из отдела опеки, врачей в детской поликлинике. Он молчал на уроках, домашние и контрольные работы списывал. А почему же нет? Они обманывают – и он будет!

В школе скучно, дома – холодно и неприятно. Бабушке всё до лампочки. Она только смотрит телевизор, в котором выступают «одни обманщики», и молится самому главному обманщику – Богу.

– Ба, зачем ты молишься? – спрашивал мальчик.

– Как зачем? Боженьку попросишь – он тебе и даст, – отвечала она.

– Тебе много дал?

– Много, а как же. Мужа покойного дал, сына дал... Тебя вот дал.

– А зачем я тебе? Я же плохой. Учусь плохо.

Бабушка не находила ответа. И Стасик уходил за ответом на улицу. Там, в тесных дворах, мрачных подвалах и чердаках, за сараями и гаражами, он пытался понять: зачем вообще люди живут на свете?

Он видел пьяных, видел бродяг в вонючих обносках и наркоманов, ширявшихся по очереди грязным шприцем. А рядом с этим человеческим мусором жили счастливые семьи, по улицам ходили стройные подтянутые спортсмены, красивые, как ангелы, девушки. Почему одним было так плохо, а другим так хорошо? «Наверное, они все обманывают, как мои родители», – думал Стасик.

У него появилось много друзей – целая дворовая компания. В нее не принимали ни одного из «чистеньких» мальчиков, которым мамы кричали из окна добрыми голосами: «Серёжа, иди ужинать!» Друзьями Стасика были такие же, как он, волчата – дети замученных тяжелой работой матерей-одинок, алкоголиков или просто обделенных интеллектом людей, привыкших проводить вечера за бутылкой пива у телевизора.

Мальчишки из их компании стремительно приобщались к взрослой жизни. С семи лет начинали материться, с десяти – курить, с тринадцати – пить водку. Стасик не отставал, а во многом и опережал приятелей. Он первым придумал воровать продукты в супермаркетах, только-только появившихся в городе.

Подученные им, мальчишки входили толпой и растекались по магазину. Они начинались мельтешить повсюду, брать товары с полок и тут же класть их обратно, шумно перекликаться, толкаться в узких проходах между стеллажами. Отвлекая таким способом внимание продавцов и охранников, дети прятали в карманы шоколадные батончики, упаковки жвачек и леденцов. В конце обязательно покупали что-нибудь, например, двухлитровую бутылку дешевого лимонада. Потом выходили на улицу и с гоготом извлекали из карманов украденное.

Стасу не были нужны эти лакомства. Бабушка баловала его, да и опека регулярно подбрасывала подарки. Он делал это из спортивного интереса. Ему нравилось пощекотать нервы рискованной проделкой. Пожалуй, риск был единственным, что казалось ему интересным.

Глава 8. Стас и Ромка

Ромка возвращался из школы, сгибаясь под тяжестью ранца, набитого учебниками. Апрельское сибирское солнце, не щадя ни снега, ни людей, заливало город пронзительным желтым светом. Распахнув куртку, Ромка торопился домой, где его ждал следующий уровень игры «Дум».

Он шел мимо серых панельных домов, окруженных стандартными дворами: почерневшие за зиму газоны, лавочки, игровые площадки для малышей и ряды гаражей. В одной из таких девятиэтажек жила и семья Ромки.

На углу своего дома мальчик увидел группу парней лет шестнадцати-восемнадцати. Сердце у Ромки вздрогнуло от неприятного предчувствия. Эта компания пользовалась в округе дурной славой. Вели они себя вызывающе, девушкам выкрикивали вслед всякие гадости, детям отвечивали подзатыльники, стариков передразнивали. Побаивались лишь людей средних лет, которые могли и в полицию позвонить. Хуже всего приходилось подросткам: могли отобрать карманные деньги, а то и мобильный телефон.

Парни курили и громко смеялись. Идти мимо них было боязно. В другое время Ромка, пожалуй, переждал бы на лавочке в соседнем дворе, пока хулиганы не уйдут. Но сейчас его одолевало нестерпимое желание побыстрее отыскать тайную дверь, которая перевела бы его в игре на уровень выше.

Опустив голову, он направился к подъезду, стараясь не смотреть на хулиганов. Сердце бешено стучало, на лбу выступила испарина...

Он уже почти дошел до двери подъезда, когда вслед прозвучало:

– Эй, поц, полегче! Чуть старшим ноги не оттоптал! Закурить найдется?

Ромка неохотно оглянулся и покачал головой.

Один из парней, коротышка, чуть повыше Ромки, стриженный почти под ноль, вальяжно направился к мальчику, приговаривая:

– Чему только учат в школе?! Совсем не умеешь разговаривать со старшими!

Подойдя вплотную к оробевшему Ромке, он грубо прошипел:

– Чего уставился? Гони бабло! Придется самому купить сигареты.

Втянув голову в плечи, Ромка исподлобья посмотрел на парня, ожидая оплеухи.

Но едва тот схватил его за ворот, кто-то крикнул сзади:

– Эй, да это ж мой сосед! Здрóво!

От группы отделился высокий худощавый парень лет пятнадцати на вид. Ромка вспомнил, что однажды видел его на своей лестничной площадке. Под тонкой ветровкой у парня была полурасстегнутая рубашка, а на груди поблескивал большой крест.

Подросток обнял Ромку за плечи и негромко сказал:

– Это правильный пацан. Так что ты, Зюзя, не напрягай его!

Низкорослый хулиган сплюнул себе под ноги и промямлил, оправдываясь:

– А я что? Я ничего... Так, на понт брал. А раз пацан правильный, то всё нормалёк! – И той же вальяжной походкой он вернулся к своей компании.

– Что, малость взял он тебя на испуг? – усмехнувшись, спросил у Ромки парень с крестом. – Как зовут, сосед?

– Я и не испугался, – постаравшись придать как можно больше уверенности голосу, ответил мальчик. – А зовут меня Рома.

– А я Стас.

Парень протянул Ромке руку, как взрослому.

– Если чё, обращайся ко мне, разрулим проблему, понял?

Затем он развернулся и ушел, оставив в душе Ромки смешанные чувства. Мальчишка был рад, что всё так благополучно разрешилось, но слегка оторопел от неожиданного заступничества. Что бы это значило? Но долго раздумывать Ромка не стал. Вприпрыжку вбежав в подъезд, он вихрем пролетел три этажа и ворвался в квартиру.

– А, Романыч, – воскликнул отец, – ты чего опять не разулся? Мать придет, будет мне выговаривать!

– Да ладно, всё будет окей! – отмахнулся Ромка. – Ну как, нашел выход на восьмом уровне?

– Конечно, смотри, где спряталась дверь. – Отец стал водить компьютерной мышкой, показывая виртуальный выход.

Не отрывая глаз от монитора, Ромка быстро стянул кроссовки и швырнул их в прихожую.

Глава 9. Вовка и Стасик

В подъезде всегда царил полумрак, разбавляемый лишь парой тусклых лампочек. Остальные либо давно перегорели, либо были выкручены кем-то из находчивых соседей. Остановившись в этом бледном свете, Вовка, пятнадцатилетний брат Ромки, прислонился к стене и задумался.

Мысли его были весьма невеселыми. Требовалось что-нибудь срочно придумать, чтобы выкрутиться из ситуации, в которой он оказался. Классная руководительница Вовки, Надежда Дмитриевна, она же учитель математики, хотела срочно поговорить с его родителями, потому что, по ее словам, она «не может дальше смотреть, как вроде бы неглупый парень катится по наклонной плоскости». Вовка ухитрился закончить решающую четверть девятого класса только с двумя четверками – по пению и физкультуре. По всем остальным предметам красовались тройки, да и те ему поставили скорее по старой памяти, поскольку прежде Вовка был твердым хорошистом.

Сначала Надама, как за глаза называли классную, подумала, что Вовка просто влюбился в какую-то «вертихвостку в короткой юбочке». Но вскоре она поняла, что ошиблась: подросток разговаривал с друзьями на переменах исключительно об уровнях сложности, танках и взятиях городов. Нередко он заводил такие разговоры и на уроках, за что

получал замечания от учителей. Красные глаза и сонный вид ученика подтвердили выводы педагога о том, что мальчик ночи напролет играет в компьютерные игры.

А недавно Вовка заснул прямо на уроке математики. Надама на несколько минут впала в ступор – сначала от его наглости, потом от полного безразличия к ее крикам. А кричать на учеников было основным педагогическим методом Надамы, проработавшей в школе более тридцати лет. Сама она именовала эту методику «небольшим увеличением громкости вещания для улучшения прохода знаний в малюсенький отделчик мозга учащегося, отвечающий за интеллект».

В общем, после этого инцидента Вовке было запрещено приходить в школу без родителей. Под угрозой автоматически оказывались и выпускные экзамены. Он размышлял: может, соврать, что заболел и не понимает новый материал? Но тогда мать начнет таскать его по врачам, а те сразу же запретят компьютер. Или сказать, что учителя придираются к нему? Но не могут же придираться все десять учителей одновременно... Так ничего и не придумав, Вовка с тяжелым сердцем поплелся домой.

На площадке между вторым и третьим этажами стоял парень примерно его возраста с темными кудрявыми волосами. Он дымил сигаретой, стряхивая пепел в консервную баночку, поставленную специально для этой цели соседями-курильщиками. Глядя на него снизу вверх, Вовка отметил, что подросток держится совершенно по-взрослому. Не прячет-

ся, как обычно делают курящие школьники, а уверенно выпускает дым кольцами. Вовка узнал его – это был Стас, живший в одной из соседних квартир. Именно о нем вчера рассказывал Ромка со смесью восхищения и недоумения. Стас почему-то заступился за Ромку, когда тот налетел на компанию хулиганов, и, можно сказать, взял его под свое покровительство.

– Привет, сосед! – первым сказал Вовка, увидев, что Стас обернулся к нему.

– О, здорово! Ты что, только из школы ползешь? Время-то – скоро «Спокойной ночи, малыши» будут, – шутливо отозвался Стас.

– Ну, после школы кое-какие дела были, – с напускной серьезностью ответил Вовка.

Этому научил его отец. Если хочешь показаться крутым, всегда говори, что у тебя много дел и ни на что не хватает времени.

– Все лентяи – самые занятые в этом королевстве, – пояснил отец после совместного преодоления очередного игрового уровня.

Михаил нечасто давал советы сыновьям. Он словно не замечал, что взрослеющим мальчишкам хочется поговорить с отцом о своих проблемах. Подросткам необходимо общаться с близким человеком на взрослые темы, не касаясь опостылевшей учебы и оценок. Но родители часто не понимают этого, уходя с головой в работу и личные пробле-

мы. Михаил был еще более далек от своих детей, чем любой среднестатистический отец: он жил в виртуальном мире и в сынах видел всего лишь партнеров по игре.

Тем не менее мальчишки любили отца. Они обсуждали его редкие фразы, которые не относились к играм, пытаясь понять, что за ними кроется – оправдание или руководство к действию. Ребята видели, что отец не ходит на работу, но постоянно заявляет, что сильно занят. Чем он занимался, братья не понимали. Он целыми днями сидел за компьютером и играл. Даже обедал и пил чай, не вставая из-за компьютерного стола. А если иногда и прерывался, то лишь для того, чтобы почитать компьютерные форумы или скачать обновления.

Правда, в играх он был настоящим асом. Проходил самые сложные уровни, с необыкновенной ловкостью уничтожал вражеских солдат и инопланетных вурдалаков, мастерски владел различными видами оружия – от автомата до бензопилы. Благодаря своим умениям Михаил стал настоящим кумиром для своих сыновей. Ни мать, ни тем более школьные учителя не пользовались у мальчиков таким авторитетом.

Не меньшее уважение, хотя совсем иного рода, вызывал у них и Стас. Вовка и Рома плохо знали его, но видели, как он запросто общается с пацанами постарше – с теми, кого в районе называли братвой. Кроме того, в поведении Стаса чувствовалась внутренняя свобода и независимость. Он раз-

говаривал, как взрослый, без опаски курил на лестничной площадке и, кажется, часто прогуливал школу. Братья слышали от сверстников во дворе, что Стас живет с бабушкой, потому что мать его умерла от рака, а отец сидит в тюрьме за убийство полицейского.

Хотя Вовка был ровесником Стаса, ему казалось, что сосед старше его лет на семь. Стоя напротив Вовки на лестнице, он завел непринужденный разговор о том, что сигареты подорожали, о вредной старушенции с четвертого этажа, которая ворчит на курильщиков, о хорошей погоде. Вроде бы разговор ни о чем, но Вовка чувствовал себя свободно, словно болтал со старым другом.

– Слушай, Вован, а ты чего какой-то напряженный? – спросил Стас. – Случилось чего?

Это прозвучало так тепло и дружелюбно, что Вовка сразу же рассказал о своих проблемах в школе и о вызове родителей.

– Да забей ты на свою математичку! Хочешь, я поговорю с твоими родителями? – участливо предложил Стас. – Я знаю, что надо говорить, чтобы предки сильно не напрягались.

– Отец-то переживать не будет, – задумчиво произнес Вовка, – а вот мама...

Он стеснялся сказать, что именно мать была главой семьи и могла, если требовалось, и ремня всыпать, невзирая на то что Вовка уже перерос ее на полголовы.

– Что, мамка и наkostenять может? – Стас засмеялся и изящно выстрелил пальцами окурочок в угол. – Не парься! Сейчас всё будет пучком! Пошли!

Вовка не успел возразить. Стас стремительно подошел к двери его квартиры и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла Светлана. Она была в ярко-алых легинсах, плотно облегающих ее стройные ноги, и в мужниной рубашке, небрежно подвязанной узлом на животе. Широкий воротничок съехал на одно плечо, открыв бретельку белого кружевного бюстгалтера. В руках у Светы была сковородка.

Вовку вдруг почему-то смутило, что его мама выглядит так... привлекательно? Нет, скорее сексуально, но ведь такое слово нельзя употреблять по отношению к матери. Мысли в голове перепутались. А Стас уже начал разговор – тем же непринужденным тоном, каким он беседовал с Вовкой в подъезде.

– Здравсьте! Я ваш сосед Стас, друг Вовы.

Покосившись на сковородку, Стас шутливо спросил:

– Надеюсь, вы контролируете ситуацию и не будете бить по голове перспективных и талантливых подростков?

– Ага, даже так? – Света засмеялась и, быстро застегнув верхние пуговицы на рубашке, сказала: – Ну что ж, рассказывайте, кто здесь перспективный и в чем проявляются ваши таланты? Проходите на кухню, сначала поужинаем, а потом расскажете.

Света искренне обрадовалась Стасу. В последние два-три

года ее сильно беспокоило, что у старшего сына совсем нет друзей. Она понимала, что Вова по натуре некоммуникабельный и, что еще хуже, всё свободное время сидит за компьютером. Конечно, это настораживало мать. Как многие родители, она часто говорила сыновьям, что в ее детстве мальчишки и девчонки беззаботно бегали по дворам, гуляли, влюблялись и не тратили время на всякие мобильные гаджеты.

– Конечно, мам! Тогда просто не было гаджетов! – смеялся Ромка. А Вова просто отмалчивался, продолжая щелкать мышкой.

Света была не в восторге от того, что сын растет одиночкой. Как это – в пятнадцать лет не иметь ни одного друга, с которым можно сходить на прогулку, погонять на велосипеде, да просто поболтать? А уж просиживать штаны за монитором ей вообще казалось пустой тратой времени. Ладно муж – он все-таки больной, ему надо чем-то заняться. Но сын... Молодой здоровый балбес, ростом уже выше мамки. Может, этот соседский мальчишка немного отвлечет его от компьютерных сражений?

– Проходите на кухню, ребята, – сказала Светлана. – Сейчас накормлю вас котлетами. Надеюсь, ты любишь котлеты, перспективный талант?

– Могу слопать сразу десять, – весело отозвался Стас.

Светлана поставила перед ребятами тарелки, наложила аппетитных котлет с поджаристой корочкой, добавила сала-

та из огурцов и помидоров, заправленного сметаной.

– Прямо как в ресторане! – воскликнул Стас, живо двигая к себе тарелку.

Света добродушно усмехнулась. Этот парнишка, назвавшийся другом сына, нравился ей всё больше. Раньше она не обращала на него особого внимания. Встречала иногда в подъезде. Знала, что он живет с бабушкой и они недавно переехали в этот дом. Конечно, ей было бы интересно узнать о нем побольше: где его родители, как он учится, давно ли дружит с Вовой...

– А где папа и Ромка? – перебил ее мысли старший сын.

Как ни давили на него школьные проблемы, Вовка невольно прислушивался к звукам виртуальных выстрелов, доносившимся из-за стены.

– Как обычно, – махнула рукой мать, – наелись до отвала и сразу уткнулись в свой ящик. А ты тоже увлекаешься компьютерными играми, Стас?

– Я? Не-е-ет! – протянул Стас, взмахнув котлетой, насаженной на вилку. – Я реальную жизнь предпочитаю. Да и компа у меня нет... Откуда ему взяться?!

– Что же, родители не могут тебе компьютер купить? – удивилась Светлана. – Сейчас у всех ребят они есть. Не для игр, так для учебы пригодится.

– Нет у меня родителей, – спокойно ответил Стас, посмотрев Свете прямо в лицо. – Так получилось.

И без дальнейших предисловий начал рассказывать мрач-

ную историю своей семьи.

Слушая Стаса, Света смотрела на него с тихой жалостью. «Совсем как мама», – невольно подумал подросток. Но тут же сам себя одернул: «Мама меня не особо жалела. Думала только о деньгах. Из-за денег надорвала здоровье и померла!»

– А сколько лет бабушке? – тихо спросила Света. – Она еще работает?

– Шестьдесят, – ответил Стас. – Да, работает. Раньше бухгалтером была в типографии, а сейчас консьержка в новостройке.

Стас уже не в первый раз рассказывал о своей жизни. Это была его любимая тема, он каждый раз развивал ее по-новому, добавляя выдуманные подробности. Рассказывая, он всегда отслеживал реакцию людей и понимал, что ему верят. С каждым разом его история становилась всё красочнее и эмоциональнее. Он делал продуманные паузы, и взгляд его в этот момент становился печальным, в глазах поблескивали слезинки.

– А почему вы сюда переехали? – продолжала любопытствовать Света.

– Бабушке отсюда ближе на работу.

В какой-то момент теплый голос Светы вызвал у Стаса желание рассказать правду. Он давно не был в такой атмосфере, наверное, с тех пор, как его мать заболела. Вкусные мясные котлеты, уютная домашняя обстановка, понимающий

голос Вовкиной мамы... Стас чувствовал, как ему не хватает этого. С бабушкой они почти не общались. Она постоянно жаловалась то на повышенное давление, то на одышку, а самое главное – беспрестанно ворчала на Стаса.

Ему некому было рассказать, что он часто прогуливал школу и из-за этого остался на второй год. И что он украл у соседей в прежнем доме детскую коляску – хотел продать ее и купить себе смартфон. Его поймали с поличным, но соседи пожалели сироту и пообещали не обращаться в полицию. Однако бабушке после этого было стыдно выйти во двор, поэтому она продала квартиру и купила другую.

Нет, конечно, Стас не мог рассказать этого Свете. Он сглотнул застрявший в горле комок и быстро спросил:

– А вы кем работаете?

– Я – водителем. У меня своя «газель», вожу товары с оптовой базы в торговые точки, – ответила Света.

– А муж? – спросил Стас, кивнув в сторону комнаты, откуда доносился воинственный игровой саундтрек.

– Он болен. Получил травму спины на стройке. Физические нагрузки пока противопоказаны.

– Ну, ничего! Поправится – и будет снова зарабатывать, – серьезно ответил Стас.

Света кивнула, поймав себя на том, что разговаривает со Стасом, словно со взрослым. Он и держался как человек, много повидавший на своем веку. Поведение Стаса резко контрастировало с детской наивностью ее сына.

– А вам нравится ваша работа? – поинтересовался Стас.

– Как сказать... – задумчиво произнесла Светлана. – С одной стороны, интересно. Каждый день видишь новых людей, события разные по пути. А с другой – тяжело. Я очень рано встаю. Вкалываю без выходных. И еще дома... эти балбесы!

Она тоже кивнула, непонятно куда показывая – то ли на Вовку, который безмятежно прихлебывал чай, то ли на мужа за стеной.

– А я думаю, водитель – самая классная профессия! – воскликнул Стас. – Каждый день на машине!

В его голосе послышались нотки зависти. В этот момент Светлана на мгновение увидела перед собой пятнадцатилетнего подростка, такого же, как и ее сын...

– Моя мечта – научиться водить машину. Но мои старшие друзья, – Стас многозначительно помолчал, – боятся меня учить. Наверное, им жалко свои дорогие тачки... Ладно, мне пора! Засиделся я, да и бабушка волнуется, наверное.

Встав из-за стола, он на прощание по-мужски пожал руки Вовке и вышедшему из своей комнаты Ромке. Светлана проводила гостя до прихожей.

– Стасик, ты заходи к моим ребятам в гости, не стесняйся, – сказала она, стоя в проеме двери. – У них есть игровые приставки и компы. Вместе играть интереснее.

Неожиданно для себя Света назвала Стаса уменьшительным именем. Но это прозвучало так естественно, что никто не обратил внимания.

– Хорошо, посмотрим, – серьезно ответил он. – Да, и еще... Вы не ругайте моего друга! У него там какие-то заморочки в школе. Учителя вас вызывают. Вы ходите, сделайте вид, что слушаете, а сами не принимайте близко к сердцу. Учителям положено всякую дребедень говорить, работа у них такая.

Стас произнес эти слова так весело, что Света невольно засмеялась.

Вовка с благодарностью посмотрел на друга. Сложнейшая задача, которая мучила его весь день, решилась за пять минут.

Глава 10. Необычная дружба

Стас быстро подружился с Вовкой, хотя правильней было бы сказать – со всей семьей Валеевых. На улице он вел себя так же, как и раньше, то есть как и все его дворовые приятели: нагло задевал школьников, отнимал деньги у малышей, хамил взрослым. Но входя в квартиру соседей, мгновенно менялся, становился взрослым и интеллигентным. Светлана и Михаил не подозревали о второй жизни Стаса, а Вовка, который не раз наблюдал уличные похождения друга, только поражался: Стас умел преображаться, как настоящий актер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.